

Анна Леденцовская

**В магический дом
требуется домовая**

«Литнет»

Леденцовская А.

В магический дом требуется домовая / А. Леденцовская —
«Литнет»,

Кто не мечтает попасть в магический мир? Конечно, домашняя нечисть!
Но Лушку никто и не спрашивал. Родной дом сносят, значит, ей — верная
смерть. Кто же знал, что вместо этого домовушку будет ожидать другой мир и
старый ботинок в придачу? Как призвали?! Кто?! Вот эта голодная пигалица?
Башмак в пентаграмму сунула, а теперь командовать пытается?! Домовых в
мире нет? Непорядок! Мелкую накормим, конечно, раз смерть отменяется!
Почему полезной нечисти в новом мире нет, разберемся! Дом магический?
Это хорошо! А папа? Что папа? Пускай возвращается, и его накормим!

© Леденцовская А.

© Литнет

Содержание

Глава 1. Кто в доме хозяйка, или Давайте знакомиться	5
Глава 2. Как все случилось	11
Глава 3. Чисто и сытно	20
Глава 4. Всякие зверушки и вороватый «ежик»	27
Глава 5. Попались!	33
Глава 6. Хорошо забытое старое	39
Глава 7. Избежать неприятностей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В магический дом требуется домовая

Автор: Анна Леденцовская

Глава 1. Кто в доме хозяйка, или Давайте знакомиться

Торчать головой вниз в старом мужском ботинке было ужасно неудобно. Вот так заснешь кошкой в нормальном земном лесу под кустиком в надежде на легкую смерть, а проснешься вверх хвостом в каком-то башмаке.

Лушка чихнула и недоуменно прислушалась к окружающим звукам и своим ощущениям. Вокруг была магия, очень много разлитой в пространстве магии, незнакомой и притягательной. А еще чувствительные кошачьи ушки явственно различили недалеко приглушенные всхлипывания и жалобное бормотание.

Лукерья домовушкой была молодой, всего-то век разменяла, но ответственной и хозяйственной. В неведении находиться она не любила, да и чего греха таить – любопытство ей было присуще не меньше, чем любовь к домоводству.

То, что это не Земля-матушка, по магии понятно было сразу, а вот куда она попала и зачем, узнать надо было срочно. Да и душно было в ботинке, и пахло совсем не пирогами. Опять же беззащитный хвостатый тыл торчал наружу, а там неизвестно кто носом хлюпает. Поэтому уперлась Лукерья лапами и выкарабкалась, пятясь из башмака, ошалело мотая головой и тряся ушами.

«Батюшки-пирожки!» – охнула она про себя, увидев разгром вокруг. Просторная кухня в явно небедном большом доме словно подверглась атаке полтергейста. Разбитые тарелки и банка с остатками растекшегося по осколкам липкого варенья, крошки повсюду, подпалины на полу и стенах, как от огня, в углу мокрая полуобгоревшая тряпка, а у стола на стуле, забравшись на него с ногами, сидело что-то худенькое и лохматое, уткнувшись носом в коленки, и тихо всхлипывало.

«Вроде девчоночка? Может, служанка какая нерадивая? – поразилась домовая. – Что за мир, где таких неумех малолетних слугами держат?»

Лушка домовой была прогрессивной и образованной. На Земле книги читала, а у постояльцев, что ее хозяйка на лето пускала, и интернет на хитром устройстве с кнопочками освоила, на ноутбуке. Хоть слуг она видом не видывала, но знала, что были раньше такие люди. Сама Лукерья после революции появилась, когда в совхозе дома строить начали новые. Войну пережила. Домик не пострадал от обстрелов и не сгорел в ту лихую годину. Так что опытная была она домовая, ко всему готовая и поэтому, долго не думая, решила мяукнуть, привлекая к себе внимание.

На стуле вскинула встрепанную голову девчонка, уставившись на кошку испуганными глазами. Худышка тут же цапнула с краешка стола большую вилку для жаркого и какую-то потрепанную тетрадку в тонком кожаном переплете.

– Ни с места, маленькое чудище! Я верну тебя обратно! – Махая в сторону домовушки вилкой, девчонка съежилась на стуле и пыталась что-то найти в тетради. – Сейчас найду, тут где-то было, – бормотала она, то косясь на листочки, то переводя взгляд на мирно сидящего рядом с папиным старым ботинком странного полосатого зверя.

– Где же я ошиблась? – отчаянно шептала она. – Там же написано: дух – помощник по дому! А тут не пойми что!

«Так вот оно как?! – тут же сообразила домовая. – Хотя и напугала девчонка, но это, может, и к лучшему! В обувку-то обычно домового-мужчину приглашают, а они и напугать могли эту пигалицу-недомагичку. Не со зла, а шутки ради. В этом мире-то, похоже, нет домовых, иначе эта птичка на своем насесте не паниковала бы, а уже и молочка бы предложила, и хлебушка принесла. Надо с ней пообщаться, пока она по своим писулькам что-нибудь не намудрила».

– Послушай, голубушка, может, поговорим сперва? – с трудом вернувшись к привычному облику слегка лохматой нечисти, предложила Лушка.

Девчонка вздрогнула на своем стуле и, испуганно посмотрев на неизвестно как очутившуюся в пентаграмме крошечную женщину, уронила вилку.

– А ты еще кто? – пытаясь храбриться, выпалила она, как щитом прикрываясь своей тетрадкой и озираясь по сторонам. – И куда делся странный зверь, в ботинок спрятался? Значит, вас тут двое? Отвечай!

– Хороший вопрос, – хмыкнула Лукерья. – Даже не один, а целая куча! Но у меня тоже вопросы имеются! Поэтому ответить-то я отвечу, но и ты будь добра кое-что мне прояснить!

Девочка нахмурилась, но неуверенно кивнула, напустив на себя важный вид хозяйки положения.

– Ну, давай знакомиться, – продолжала меж тем домовушка. – Я Лукерья, Луша, если по-простому. Домовушка я. А больше тут никого и не было. Кошкой, то есть тем зверем, тоже я была.

Глаза девчушки блеснули радостью и торжеством.

– Так у меня получилось! – Она положила тетрадку на край стола и, не спуская поджатых ног со стула, принялась распоряжаться: – Раз ты домовый дух и я тебя призвала, то ты обязана выполнять мои приказы! Поэтому наведи здесь порядок и подай мне еды! Я люблю...

– Стоп-стоп-стоп, милочка! – тут же осадил эту воображаемую враз посуровевшая Лукерья. – Я тебе в служанки не нанималась! Да и о домовых ты, видно, ничего не знаешь, а туда же – командовать!

– Как же так?! – возмутилась та. – Ты мне имя свое назвала! Значит, признала хозяйкой и должна слушаться! И без моего дозволения и шагу не ступишь, вот оставляю тебя в пентаграмме на весь день, тогда посмотрим.

Только сейчас Лушка обратила внимание на криво начертанные линии вокруг, светящиеся оранжево-желтым цветом. Никто и никогда не ловил домовиков в пентаграмму, они хоть и нечисть, но не какие-нибудь духи-пакостники. А тут, в доме, при башмаке, да с такой магией, что воздух вокруг буквально пьянил, как шампанское, это и вовсе было бесполезно.

– Повторю, пожалуй, для особо непонятливых, – ткнула Лукерья пальцем в девицу на стуле. – О домовых ты, голуба, ничегошеньки не знаешь! А имя я назвала потому, что в отличие от тебя хорошо воспитанна. Пентаграмма же совсем никчемная, только пол испортила. И вызывать незнамо кого очень опасно!

Домовушка неодобрительно осмотрела линии, царапинами расчертившие красивый наборный паркет из неизвестного ей серо-голубого дерева. Чтобы не пугать собеседницу, Лушка, оборачиваясь из кошки, рост оставила небольшой, но, видимо, пора было ставить на место эту недомагичку. Домовая осторожно потянула к себе магические потоки, с удивлением и радостью понимая, что особняк, в который она попала, совсем не прост. Дом словно пропускал сквозь себя магию этого мира и приветливо делился ей со своей гостьей, прося ее остаться и позаботиться о нем.

– Потерпи, мой хороший, – домовая, наклонившись, ласково погладила паркетные досочки, – я уж тебя отмою, почищу, наведу порядок.

Она выпрямилась, глянув на опять листающую тетрадь девицу, и, нахмурившись, приняла максимально большой свой облик. Теперь ее макушка была почти вровень со столом. Ловко подхватив ботинок и морщась от застарелого запаха ношенной обуви, Лукерья легко шагнула через нацарапанные криворукой чертежницей линии. Пентаграмма, ярко, но безобидно полыхнув, потухла, оставшись уродливым рисунком на полу. Девчонка на вспышку оторвалась от тетрадки, вытаращившись на домовую, и открыла рот, чтобы закричать, но в нем неожиданно оказалось небольшое сочное желтобокое яблоко.

Было у Лукерьи несколько штук в кармане передника. Когда в лес ушла, не знала, сколько разрушения дома ждать придется, вот и прихватила с собой что нашла. Развоплотиться, лишившись дома, это не смерть от голода, поэтому поесть с собой немного взяла. Пару закаменевших сушек, что в буфете завалились и не испортились, да несколько яблок с росшей у самого дома яблони тайком подобрала. Надеяться, что кошкой в лесу себе что-нибудь поймают, было неразумно, это тебе не жирные домовые мыши, ленивые и отъевшиеся на хозяйских харчах.

Вот теперьгодились яблочки-то! Крошечный магический посыл – и круглобокий наливной фрукт прыгнул из кармана прямо в открытый рот нахалки. Девчонка сидела, испуганно выпучив глаза, с яблоком в зубах и с растопыренными руками, боясь пошевелиться. Видимо, не ожидала, что домовая тоже магичить может.

– Да ешь яблоко-то, – махнула ей рукой Лукерья, устраиваясь на стуле по другую сторону стола, – сильно не насытит, но хоть какая-то еда и витамины. Может, все-таки поговорим? Обсудим все спокойно? Я, конечно, домовая, и кормить, убирать – это для меня первое дело, но командовать мной не советую. Мала еще, да и не ты здесь хозяйка.

Девчонка вроде успокоилась, видя, что странная женщина ведет себя не агрессивно, вытащила яблоко изо рта, но на слова о хозяйке насупилась и, положив фрукт на стол, упрямо заявила:

– Нет! Я тут хозяйка! Пока папы нет! – Она покосилась на желтобокое яблоко с недоверчивым любопытством. – Мне уже четырнадцать, почти пятнадцать, так что я не маленькая.

– А мама? – задала домовая вопрос, недоумевая, почему эта явно голодная девочка-подросток не притрагивается к яблоку, и тут же обругала себя, что спросила. Глаза девочки наполнились слезами.

– Мама пропала несколько лет назад, – еле сдерживаясь и кусая губы, девчушка выпрямилась на своем стуле, – и теперь, когда папа в отъезде, я тут главная.

«Сиротинушка почти, – тут же пожалела ее про себя Лушка. – Батюшка, видно, все в разъездах. А только почему она одна в таком большом доме? Где те, кто за ней присмотрит? Девочка хоть и не малышка, но вон голодная, и беспорядок кругом. А уж оставить магичку без присмотра, так, чтобы она пентаграмму начертила и незнамо кого вызывать стала, это совсем безобразие! Видимо, не зря судьба нас свела, придется за ней досматривать, пока отец не объявится. Что там за папаша такой безответственный?»

Пока домовая сердито размышляла, девочка тоже пришла к каким-то своим выводам. Она аккуратно встала со стула, стараясь не наступить на осколки и в липкие следы от варенья.

– Кларисса Бетиния Элинора сэн Хейль, – присела она в вежливом реверансе. – Рада приветствовать вас в своем доме, уважаемая домовушка Лукерья.

Лушка, которая достала из фартучного кармана еще одно яблоко, с удивлением рассматривала это аристократическое чудо.

– Простите мое недостойное поведение, но я действительно ничего не знаю про домовых. Просто сейчас я оказалась в несколько затруднительных обстоятельствах и попыталась решить их при помощи магии. – Девочка сбилась со старательно изображаемого светского тона и негромко, с опять набежавшими на глаза слезами упрямо добавила: – В маминых тетрадях не могло быть ничего опасного. Она же их никогда не прятала, как папа некоторые книги. Может, вы расскажете немного о себе и о вашем угощении? – Мисс сэн Хейль кивнула на лежащее яблоко.

– Э-э-э... – Лушка даже растерялась от таких резких перемен, но потом решила, что, видимо, девочка пытается все же казаться хозяйкой дома, вспомнив, как обычно вела себя в таких случаях ее мама.

– Да я вроде как не против, – согласилась она, – только можно называть тебя как-то покороче? Это ж надо? На одного человека столько имен!

Девочка ненадолго замялась, задумавшись, а потом кивнула встрепанной русой головой.

– Как вам будет удобнее. Кларисса – это первое имя, данное при рождении, Бетиния – второе имя всех женщин рода сэн Хейль, а Элинора – домашнее имя для близких, – стала

объяснять она домовушке. – Для посторонних я Кларисса Бетиния, дома Элинора, а когда я стану старше и начну ходить на приемы, меня будут представлять как Клариссу Бетинию Элинору сэн Хейль.

– Видимо, ты решила представиться взрослым именем потому, что в этом доме сейчас единственный представитель семьи? – догадалась домовая. – Если я стану туточки домовой, то и обращаться к тебе могу по-домашнему, Эли или Элина. Это как Луша от Лукерьи.

– Ну ладно, – пожала плечами Элина, снова усаживаясь на стул и поджимая под себя почему-то босые ноги. – А если тебя будут представлять на приемах, то звучать это будет «Лукерья Бетиния Луша домовая сэн Хейль». Потому что ты будешь иметь отношение к дому рода сэн Хейль, а значит, и приобретешь второе имя женщины рода. Только к названию рода еще должность положена. Но пока такое есть только у папиного секретаря. Мисс Абигейль Бетиния секретарь сэн Хейль. Ее домашнего имени я не знаю, – передернула она худенькими плечиками.

– Чудно как, – хихикнула Лушка, только сейчас разглядев и сообразив, что девчонка одета как-то необычно. На хрупкой фигурке с голенастыми, как у цыпленка, ногами были забавные панталончики до щиколотки, ну чисто восточные шаровары, только не широкие, по ноге. А сверху свободное платье или блузка чуть выше колена с рукавом три четверти. Все это было сшито из мягкой тонкой ткани симпатичного персикового цвета, только вот обуви на ногах у этой хозяйшкы не наблюдалось.

А Эля пыталась продолжить светскую беседу, интересуясь яблоком и гостьей, причем именно в такой последовательности. Домовая, гадая о местной моде, уже откусила свое, и воздух незаметно наполнялся душистым яблочным ароматом.

– Да ешь яблоко-то, ешь, – махнула своим надкушенным в сторону Эли Лушка. – Потом еще чего сообразим, когда потолкуем. Фрукт это обычный, на дереве растет. У вас таких нет, что ли?

Элинора взяла яблоко и повертела в руках.

– Фрукты у нас есть, включая яблоки. Пахнут как наши, – она все же рискнула откусить крохотный кусочек, – только очень маленькие. Наши полосатые и как моя голова, из них только компоты варят и пироги пекут. Так не едят.

– Почему? – совершенно искренне поразились Лукерья. – Это же очень вкусно!

– Так ведь вот так их не откусишь, кожура толстая, да и неудобно. А если порезать мелко, то они темнеют сразу, вот и идут в компот только или еще куда. – Эля с удовольствием схрумкала яблоко. – А жаль, так они вкусные. Я у кухарки как-то взяла несколько кусочков нарезанных, крику было, что леди такое не едят.

– У кухарки? – тут же насторожила ушки Лушка. – А где эта кухарка? И почему ты одна в доме? Куда все подевались?

Девочка опять нахмурилась и тоскливо оглядела яблочный огрызок.

– А давай ты мне про себя расскажешь, про мир не наш и почему на мой вызов отозвалась. А потом уже я. – Живот Эльки жалобно буркнул, и она, смутившись, покраснела.

Лушка вытащила еще два яблока, немного брусники в берестяном кулечке да горсть лесных орехов, показав, как их колоть.

– Хорошо. Расскажу и про себя, и про мир тот, и про домовых, а потом тебя послушаю, – согласилась домовая. – Только долгого да подробного рассказа не жди, недосуг! Видишь, бедлам у тебя, да и голодной сидеть нехорошо! Я бы, может, и навела порядок сперва, но быстро не выйдет. Дом мне еще чужой, как тут все устроено, пока непонятно.

Девчонка, морщась от кислинки, проглотила бруснику, сгрызла яблоки и старательно пыталась колоть орехи между двух ложек, слушая рассказ домовушки.

Глава 2. Как все случилось

Сколько на Земле-матушке люди живут, столько и домовые обитают. Раньше, пока народ по пещерам сидел, домовики и правда духами были. Духами очага и достатка.

Когда люди дома строить начали, то и домовые преобразились, одомашнились. В разных местах и странах совсем разные домовики. Где их духами предков зовут, там они только духи. Дом берегут, лихо отваживают да семью хранят. Где их за нечисть почитать стали, там они буянят, часто себя теряют и, помутившись разумом, полтергейстом становятся. А где с добром к ним да с уважением, то и они со всей душой. Хозяевам всегда помогут. Зерно от плесени сберегут, за тестом присмотрят, чтобы не убежало, мышей гоняют, кошкой оборотятся. Только сейчас все больше дома высокие строят, городские. Хозяев там много, у всех свой уклад, а домовый на весь дом может один быть, и то если его кто-то позвать догадается. А коли нет домового, то и души в доме нет. Там и плесень по стенам ползет, и сквозняки откуда ни возьмись берутся. Люди-то на строителей грешат – мол, раньше строили хорошо, а сейчас тят-ляп.

Но ведь есть дома, что заходишь в него – и выходить не хочешь. И не рисуют там на стенах подъездов. Цветочки стоят на окнах, и их никто не ломает. Соседи друг на друга волком не смотрят. Да просто домовый там за порядком следит. Потому как домовые очень порядок и уважение любят!

Вот и Лукерья появилась в начале двадцатого века, когда в их разбогатевшем советском совхозе новые дома строить начали. Может, где люди в домовых и не верили, но Лушкин дом тогда семье бабки Глаши достался. Старушка была предками наученная и на прогресс и дело революции чихать хотела с церковной колокольни. Поэтому, пока сын с семьей вещи заносили, она тихонечко на веник домовую пригласила. Так и появилась Лукерья.

Семья против полосатой кошки не возражала, а бабка Глафира только улыбалась да, ставя за печку молоко в блюдечке, приговаривала:

– Матушка домовая, пусть избу нашу беды избегают, болячки стороной огибают, недруги да завистники мимо проходят. Изба пусть наша будет полная чаша.

Лушка и старалась как могла. Семья была дружная, детей растили, жили в достатке. Но пришла война. Сына бабы Глаши на фронт забрали. Жена его с детьми решила к своей родне податься. Так и сгинули все. На сына похоронка пришла, а невестка с внуками где-то в пути под обстрел попали.

Дом-то беда не тронула, но бабка Глаша с такими потерями совсем зачахла. Только появилась в их деревне беженка. Молодая, но контуженная какая-то и без памяти. Плакала и все семью вспоминала. Видно, тоже война лишила всего. И приютила ее Глафира, пожалела. Две судьбы, две души одинокие, горем исхлестанные, война соединила. Бабка вроде как к жиличке прикипела, а потом и вовсе дочкой окрестила. Женщина работящая оказалась, и дома работала, и в совхозе трудилась. Так вот в жизни Лукерьи появилась вторая хозяйка, София. Потом шли годы, умерла бабушка Глаша, и постаревшая София тоже взяла себе жиличку. Молодую женщину с такой же судьбой, Арину.

В селе так и звали их жилье «бабьим домом». Правда, Арина после смерти Софии никого не взяла. На лето сдавала комнаты в холодной половине жильцам с детьми. Хлопотала по дому да травы заготавливала. Все женщины с лесом дружбу водили и травы ведали. Лушка и этой хозяйке служила верно, иногда уходила из дома менять шкуру и возвращалась молодой кошкой другой расцветки. Вот не было таких котят в селе, и вдруг пришла кошка в «бабий дом», словно зная, что прежняя тут уже не живет.

Лушке нравились летние месяцы и хозяйские постояльцы. Только хорошие люди им попадались, другие с предложением снять комнату даже к калитке не подходили. Домовая узнавала новости, удивлялась моде, понемногу украдкой осваивала гаджеты и осматривалась в интернете. Все было интересно и необычно. Новые рецепты на хозяйской кухне, машинка, что сама стирает, холодильник вместо ледника в погребе. Все это с восторгом в свое время осваивалось домовушкой. Домовитость – ведь это еще и знания, хотя новомодные словечки, «лайфхаки» всякие, Лукерья не одобряла. Зачем язык ломать, когда это просто смекалка. Смекнул человек, как проще да лучше, и другим рассказал, вот и все! Издревле люди так себе жизнь упростить стремились. Бабка Арина была еще крепкой женщиной, и ничто беды не предвещало, но пошла она раз за травами и не вернулась из леса. Жильцы тогда только уехали, и новых не было. Соседи спохватились не сразу, только когда животина начала беспокоиться в сарайке.

Милиция приезжала, и поиски были, да не нашли Арину. На болоте собаки платок бабушкин нашли, у самого бочага в трясине брошенный, и решили, что там сгинула старушка. Животину соседи разобрали, а дом простоял пустой с середины лета почти до конца августа.

А в конце августа пришел в дом бывший председатель уже несуществующего совхоза, но все равно какая-то шишка в управлении села. Пришел и привел с собой мужчину в хорошем костюме. Лушка подглядывала из-за печки и чуяла, что это не к добру. Но если хозяев в доме нет давно, то и домовик силу теряет.

– Мне нужна только земля, – равнодушно осмотрев еще добротный дом-пятистенник, заявил тип в костюме. – Подпишем договор купли-продажи, и через несколько дней прибудет техника и строители.

– А бревнышки-то и утварь всякая, это куда прикажете? Надо бы пристроить вещички. Домик-то совхозный, не в собственности был по документам, а вещички как бы личные, – вытирая клетчатым платком багровую, загоревшую на солнце лысину, заискивающе спросил бывший председатель.

– Куда хотите, туда и пристройте, – отмахнулся покупатель, отвечая на звонок, и, выходя за дверь, предупредил: – Техника придет, начнут снос. Что не заберете – ваши проблемы. Бревна потом тоже можете растащить, моим людям меньше работы.

Мужчины вышли, дверь за ними закрылась, а Лушка тихонько заплакала в своем углу за печкой.

Смотреть, как растаскивают нажитое добро да рушат родимый дом, домовушка не хотела, и поэтому, сунув в карман фартука пару закаменевших сушек из буфета, она с первыми петухами, еще затемно, вышла из дома. Погладила порожек деревянного крылечка, подобрала

несколько крепких яблок, недавно упавших с росшей у калитки яблоньки, и, обернувшись полосатой кошкой, печально потрусила к лесу.

Скиталась она там весь день, один раз став собой, чтобы набрать брусники в кулечек из коры и нарвать орехов с куста лещины. К вечеру усталая домовушка свернулась кошкой под ивовым кустом у лесного родничка и, вздрагивая, слушала непривычные звуки опускающейся на лес ночи.

Уже проваливаясь в сон, она вдруг почувствовала, что ее закрутило и понесло, словно засасывая в какую-то воронку. В нос ударил запах старой обуви, и Лукерья очнулась, понимая, что торчит мордой вниз в старом ботинке, а вокруг множество магических потоков незнакомого мира. А еще Лушка ощутила дом, дом, в который ее позвали. Дом, которому очень нужна была маленькая домовушка.

Вечером накануне появления домовой в доме семейства сэн Хейль Элия в своей комнате перебирала украшения в шкатулке. С тех пор как ей исполнилось десять, на праздники она непременно получала какую-нибудь прелестную вещицу. Конечно, эти ювелирные изделия не отличались дороговизной и особой изысканностью, но составляли ее маленькую подростковую коллекцию, которую должна иметь каждая уважающая себя девочка из хорошего рода до того, как начать выходить в свет. На глаза попала серебряная брошка в виде ажурного бантика с перламутровой инкрустацией на узелке. Эту брошку подарила мама. Она отдала дочери свое первое украшение, которое берегли и передавали по женской линии.

– Мама, как мне тебя не хватает! – На безделушку капнули непрошеные слезы. – Где же ты? Папа опять уехал по делам. Я совсем одна и так скучаю. Я не верю, что ты умерла, и папа тоже не верит! Ты обязательно вернешься, только возвращайся скорее.

Эли сунула все украшения в шкатулку и, захлопнув крышку, поставила ее на комод возле зеркала. Смахнув слезы и не зная, чем себя занять, она решила, что лучше всего лечь спать.

«Завтра будет новый день, – надевая пижаму, уговаривала себя она, – значит, на один день меньше до папиного возвращения. А еще, возможно, папе удастся где-нибудь найти отправочный киоск, и тогда он напишет мне ответ на письмо».

Ей казалось уже, что с утра ее непременно будет ждать весточка от отца, главное – поскорее заснуть.

«Жаль, что мистер Мозерс тоже уехал, – вздыхала Эли, ложась в постель и натягивая на себя одеяло. – Он бы пустил меня к переговорнику, и не пришлось бы ждать письма. Но в кабинет к папе без Леви не попасть, поэтому придется ждать».

Девочка ворочалась в кровати, сон не шел. Она села на постели и откинула одеяло.

«Леви Мозерс уехал и разрешил Журетте ночевать в доме, а значит, если она не спит, можно попросить приготовить мне что-нибудь вкусное. Может, тогда заснуть будет легче».

Элия встала и, не переодеваясь, пошла искать кухарку, решив для начала проверить кухню. Босые ноги девочки неслышно ступали по ковровой дорожке коридора. Громкий смех и разговор заставили ее насторожиться и красться на цыпочках. С облегчением она узнала голос Журетты и удивилась, поняв, что кухарка болтает с двумя приходящими горничными.

«Иренка и Мажена еще не ушли? – удивилась она. – Может, мистер Мозерс разрешил остаться и им. Хотя в отличие от Журетты они живут всего в двух кварталах отсюда».

Решив, что три женщины в пустом доме – это даже лучше, может, расскажут что-нибудь интересное, она уже почти вошла в кухню, но мамино имя, сказанное кем-то из служанок, заставило ее замереть на месте.

– Тамиэла сэн Хейль, конечно, была красавица, но она же умерла, – слышался из-за двери голос Мажены. – Такой видный мужчина, как мистер сэн Хейль, не будет долго оставаться один. Да на него, я слышала, сама Зизи мор Тогерро нацелилась!

– Ну и дура эта Зизи, – перебила ее Иренка. – Он достанется дочке его делового партнера мистера Поздяковского! Я сама слышала от их садовника, что Басенька от нашего хозяина без ума. А дому и мужчине завсегда хозяйка нужна!

– Да ну вас, болтушки, – оборвал их низкий голос кухарки. – У него дочь еще с учителями занимается. Вот можно будет ее на обучение отдать куда-нибудь, тогда и следует суетиться. Не зря нашей Анабельке Люсинда Гжезинская, вдова стеклопромышленника, каталоги зарубежных колледжей для девиц приносила. Но пока в девчонке магия дремлет, ее и не отдашь никуда. Неизвестно, что за дар проснется.

– А может, и вовсе не проснется! – фыркнула Мажена. – Девчонка-то ни в мать ни в отца! Заморыш какой-то.

– Цыц, Маженка, – оборвала ее кухарка. – Да и платье господское сними. Зачем напялила? Нехорошо это.

– Но, тетя Жу, оно не новое совсем и покойнице ни к чему. Да и мистер сэн Хейль их считать не будет, там их несколько сотен, этих платьев, и ничего не случится, если я одно старое заберу себе. Вы же продукты домой берете!

– Поговори мне! Не посмотрю, что племянница, – зло зашипела Журетта, – немного и беру, не обеднеют. Там подгорело, там на рынке тухлятину подсунули. Левушка если не заметил, значит, немного!

– Так вы Мозерсу-то это рассказывать без фартука ходите, – хихикнула Иренка. – С таким декольте к нему в кабинет идете, что он, бедняга, оттуда как ошпаренный вылетает. И не слышит, наверное, ничего, думает, что вы его на себе женить хотите!

Эли стояла за кухонной дверью как мышка. Ее трясло от бессильного гнева. Эти люди, которым доверяли ее родители, оказались...

Девочка слов не могла подобрать. Она решительно вошла, толкнув дверь кухни.

– Мисс Элинора? Вам что-то надо? – подскочила со стула невысокая черненькая Иренка.

– Мы тут немного перекусить сели после работы, – поднялась со своего места Журетта, стараясь прикрыть собой племянницу и надеясь, что девчонка не заметит на глупой Мажене платья своей матери.

Но Элия в упор смотрела на побледневшую Мажену и, окинув взглядом замерших у стола женщин, тихо с ненавистью прошипела:

– Пошли вон! Вон из моего дома!

– Но, Эличка, – кухарка попыталась приблизиться к девочке, – что ты такое говоришь?! Мне мистер Мозерс велел тут ночевать, пока его не будет, присматривать.

– Вы воровки! – Неожиданно руки Элиноры охватило пламя, и она, громко закричав, метнула в замершую Мажену несколько искр, подпаливших юбку присвоенного платья. – Подлые сплетницы!

Скрючив горящие пальцы, девочка метнулась к кухарке, пытаясь схватить женщину за руку.

Тучная Журетта увернулась с неожиданной ловкостью, благо в просторной кухне было куда отскочить. Иренка, завизжав, сразу кинулась на выход. Мажена с полуобгоревшим подолом, который она затушила водой, кинулась за ней. А кухарка, напустив на себя суровый вид, решила отчитать Эльку, замахнувшись на нее фартуком.

– Негоже себя так вести, юная мисс! Вот ваш папенька вернется – я уж ему нажалуюсь! Пусть доктору вас покажет! А то магия проснулась рано, и вы явно не в себе, насочиняли всякого да дом спалить хотите! – Она уверенно наступала на девочку, размахивая передником, как хворостиной.

Элия сообразила, что подлая женщина задумала, прикрывая свои проступки, выставить ее сумасшедшей. Боль и злость накрыли с головой, сгусток огня запалил фартук в руках Журетты и обжег той руку. Закричав, кухарка швырнула в угол горящую тряпку и тоже кинулась вон из кухни, впрочем умудрившись по дороге схватить туго набитую торбу, стоявшую на крышке ящика с овощами.

Элия очень хотела спалить ей эту сумку, но огонь неожиданно потух, и девочка без сил опустилась на стул.

На столе примостились грязные тарелки и чашки, оставшиеся от посиделок прислуги, в углу тлела тряпка, бывшая кухаркиным фартуком. Стены были в подпалинах, видимо, частички огня от злящейся девочки попали и на них. Родной и уютный дом вдруг показался холодным и чужим.

Зябко поежившись, она потушила тряпку из чайника и протопала к открытой входной двери, которую ударающие беглянки не удосужились закрыть за собой. Элия тщательно заперла дверь и даже засов задвинула, чтобы снаружи без ее ведома даже с ключами открыть бы не смогли.

«Никого не пущу, пока папа не вернется!» – твердо решила она. Как добралась до своей спальни и уснула, Элинора не знала, но проснулась девочка в своей кровати. Вспомнила ужасный вечер, свою проснувшуюся магию и испугалась, что злобные тетки могут вернуться.

«Папочка, скорее бы ты приехал. Мозерса ведь тоже нельзя пускать, наверное? – размышляла она. Потом в голову пришла спасительная мысль: – А может, мне все приснилось?»

Вскочив с кровати, девочка кинулась в кухню, но подпалины на стенах, легкий запах гари и грязная посуда на столе убедили ее, что это был не сон.

Поморщившись от отвращения, Эля подошла к окну и приоткрыла створку. Очень хотелось есть. Никогда она не чувствовала себя с утра такой голодной.

Впрочем, учителя с ней занимались не зря. Вместе с голодом она вспомнила и то, что говорила преподавательница истории магического баланса мисс Преснуотор: «Обычно магия берет энергию из мировых потоков, но только-только пробудившаяся использует внутренние резервы человека, чтобы прижиться. Поэтому крепкий и сытый организм юного мага – это залог хорошего магического будущего!»

В попытке найти что-нибудь к завтраку Эля пошарила в буфете, но обнаружила только половинку черстватой булки и банку с остатками варенья. Видимо, все, что служанки не съели на своей пирушке, жадная кухарка утащила в своей торбе. Откусив кусок хлеба, девочка ложкой выколупывала из банки варенье, но скрип оконной рамы за спиной заставил ее вздрогнуть. Резко развернувшись к окну, она зацепила банку, та, упав на пол, разбилась, украшая пол осколками и липкими подтеками варенья. За окном никого не было, видимо, створку колыхнул ветер. Напуганная девочка все равно заперла окно и, сев на стул в любимой позе с поджатыми ногами, крепко задумалась.

«И что мне теперь делать? Одной страшно, но это ладно. Я уже почти взрослая. Только вот как быть с едой? На улицу не выйти, да и денег нет».

Точнее, у Эльки деньги были, совсем немного. Папа дал как-то сходить с подругой в кафе, но Вилька заболела, и они не пошли. Деньги так и остались лежать в маленьком расшитом бисером кошельке. Только вот как потратить их на нормальную еду, Элинора не знала, да и приготовить ничего бы все равно не смогла. Все, что она умела, это вскипятить воду для чая.

В надежде что-то отыскать Элия подергала дверь холодильного шкафа, но охлаждающий артефакт оказался заперт. В кухонных шкафчиках же ничего съедобного, на ее взгляд, не было: крупа, мука, соль, какие-то баночки с порошками, бутылочки с жидкостями. То же самое она увидела в овощном ящике, который свободно открывался и был полон корнеплодов и лука. Ничего из найденного просто так было не съесть.

«Надо, наверное, написать папе! – было первым решением Эльки. – Если все ему объяснить, то он сможет быстро вернуться. Новую прислугу наймет, и все будет хорошо».

Впрочем, зайдя в библиотеку и уже взяв бумагу, она вдруг засомневалась.

«А если меня сразу отправят куда-то далеко учиться? Ведь магия проснулась! А прислугу папа не уволит или уволит, но найдет еще хуже? А без меня в дом начнут ходить всякие Зизи и Баси! А вдруг?..»

Девочка в пижаме сидела в кресле с бумагой в руках, невидящим взглядом смотря на книжную полку.

Почему-то вспомнились слова какой-то из горничных, что дому нужна хозяйка.

«В доме я хозяйка! – упрямо сдвинула нахмуренные брови Элия. – У меня теперь магия есть, значит, я совсем взрослая. А что ничего не умею, так и ладно».

Девочка вспомнила, как мама читала ей сказки на ночь: там говорилось, что жили раньше среди людей домовые духи. Были они помощниками по хозяйству, и дома, в которых они жили, становились волшебными. Смеясь, мама говорила, что, когда она уже училась в академии, они с подругами даже придумали целый ритуал для вызова духа.

– Только вот испытать не решились, – засмеялась женщина на вопрос дочки: «Какой он – домовый дух?» – Да и времени не хватало, учиться надо было. Вот подрастешь, и мы вместе с тобой попробуем пригласить его к нам в дом, – обещала она.

Элька потрянула головой, отгоняя непрошенные воспоминания, тоской сжимающие сердце, и неожиданно заметила на книжной полке несколько тетрадок в кожаных обложках. Втиснутые между книгами, они не сразу бросались в глаза, и если бы девочка так долго не смотрела в ту сторону, то, возможно, их бы и не заметила.

– Мамины тетрадки! – Она с трудом вытащила их из книг. – Может, в одной из них я найду что надо?

Полчаса тщательного изучения незнакомых схем и непонятных формул привели ее в уныние, но, перевернув очередную страницу, Эли увидела нарисованный башмак и удивилась.

– Ботинок? Зачем его тут намалевали? Может, это какой-то артефакт? – На рисунке башмак украшали руны, и стоял он в пентаграмме, обычно используемой для пленения злобных существ, призываемых всякими преступниками для своих грязных делишек.

Девочка хотела уже перевернуть страницу, но в самом низу мелким почерком было написано: «Домовому духу надо...», а потом страничка была истрепана.

На следующем листе уже была запись про свойства трав семейства яснотковых, и Элия, вернувшись к картинке башмака, стала внимательно читать все, что было написано, старательно расшифровывая даже крошечные заметки на полях.

Конечно, ритуал призыва в библиотеке проводить было неразумно. Вчера Элька, разозлившись, швырялась огненными искрами, даже не думая, что может спалить дом. Сегодня она хорошо поразмыслила и решила, что раз на кухне и так бардак, то это место для ритуала самое подходящее. К тому же желудок довольно настойчиво требовал пищи, и это будет ее первым приказом вызванному духу, а значит, кухня точно то что надо.

– Гадство, – шипела она уже десять минут, пытаясь вычертить на жестких деревяшках паркета нужный рисунок. – Дурацкий лак! Почему нельзя просто нарисовать, а надо именно вырезать?! На башмаке же просто нарисовала. – Элия оглянулась на ждущий своего часа старый папин ботинок, на который она за пару минут смогла чернильным карандашом перенести рунические знаки с картинки.

Попыхтеть, воссоздавая чертеж, пришлось еще долго, пока она наконец не оказалась довольна результатом, после чего Элия с торжественным видом водрузила в центр пентаграммы башмак с рунами.

– «Напитать силой и пригласить», – прочитала она в маминой тетрадке еще раз. – А как приглашать-то? Нет чтобы составить текст приглашения, как в книге для дам. Я точно помню, что там были образцы написания приглашений на все мероприятия! А тут ничего не понятно. Ладно. – Девочка задумчиво положила тетрадку на стол и обошла пентаграмму по кругу. – Начнем с силы.

Про силу учитель плетений мистер Ходжес рассказывал, правда занудно и неинтересно. Но что-то Эли помнила и поэтому, опустившись на колени, положила руки на линии.

– А! – вдруг догадалась она. – Царапать надо было, чтобы при напитывании не стереть рисунок!

Девочка изо всех сил попыталась выпустить силу, но после вчерашней стихийной вспышки ничего больше не получалось.

– Да как же это делается-то? – Элия изо всех сил старалась выдавить из кончиков пальцев хоть что-нибудь. Она вжимала подушечки в дерево пола, задерживала дыхание, закрывала глаза или, наоборот, начинала таращиться, выпучив их на упрямые царапины линий, которые никак не хотели напитываться силой. Под конец она уже просто стала сидеть, упершись руками в пол и размышляя, что, возможно, она просто плохой маг.

– Вдруг я очень слабая и то, что было вчера, истратило весь резерв? А восстановится теперь через месяц. – Она уныло вздохнула, представляя, как расстроится папа, узнав, что единственная дочь такая бездарность. Живот солидарно с ее мыслями громко буркнул, выражая свой протест голодному существованию.

«А если из-за этого папа все же решит жениться на какой-нибудь Зизи? Ведь роду сэн Хейль нужен одаренный наследник! – Мысль вызвала жаркую волну злости и ярости, едва Элинора представила, как в доме вместо мамы появляется какая-то чужая тетка и начинает командовать. – Это мой дом! И мама найдется! Не позволю!»

Линии пентаграммы вспыхнули, и девочка радостно рассмеялась.

– У меня получилось! Получилось! Плохо, конечно, что пока надо сильно злиться на что-то, но папа приедет, и ко мне снова будут ходить учителя!

Она встала с коленей и задумчиво разглядывала пылающие росчерки рисунка и парящий над полом ботинок, вокруг которого курились, завиваясь вихриками, спиральки дыма.

– Теперь надо как-то приглашать! Ну ладно, попробую. – Девчонка сделала надменное лицо и требовательно заявила, как мама подруги Вильки, когда раздавала распоряжения слугам: – Домовой дух, приходи сюда и помоги мне в доме! У тебя будет жилье и хозяйка. – Она задумалась, вспоминая, что еще обещают слугам за хорошую работу. – Еще иногда я буду давать тебе выходной и одну монетку на пряники в зимние праздники.

В пентаграмме ничего не поменялось, и Элия задумалась.

– Может, это не простые слуги? Все-таки это магия, может, надо по-другому?

Помедлив, она сделала книксен и начала заново:

– Домовой дух, приглашаю вас на работу в особняк сэн Хейль. Мы хороший уважаемый род, и работать на нас очень почетно! – Не зная, что обещают магическим слугам, девочка добавила то, что всегда говорил папа, договариваясь о чем-то важном: – Остальное предлагаю обсудить при личной встрече.

Пентаграмма все так же ровно горела огненными линиями, башмак висел в воздухе, чуть дымя, как каминная труба, а на ее слова никто не отзывался.

Элька налила себе водички, чтобы хоть чем-то заполнить внутри сосущее чувство голода. Она смотрела в мамины записи и пыталась понять, что упустила. Ведь не могла это быть просто шутка, сказка, рассказанная ей для развлечения.

– Домовой дух, пожалуйста, – жалобно попросила она, – ну хоть как-то дай знать, что ты меня слышишь. Ты мне очень, очень нужен. Я тут совсем одна, папа уехал, мама пропала давно, слуги оказались гадкими сплетницами и воровками. Мне страшно одной в доме, и я есть хочу, а тут совсем ничего нет. Отзовись, пожалуйста.

Пентаграмма, мигнув, вдруг перестала гореть, башмак шлепнулся на пол и замер, только линии еще светились вокруг него желто-оранжевым светом.

Элия в надежде смотрела на все это, но, похоже, магия иссякла, ничего не получилось. Она с ногами забралась на стул, сжалась в комочек и заплакала. Девочка не увидела, как дымные струйки в ботинке вдруг сгустились и превратились в чей-то торчащий из него полосатый хвост.

Глава 3. Чисто и сытно

Торопливый рассказ дощелкавшей орехи Эльки не мешал Лукерье размышлять.

«Девушка-то вон какая высокая, хоть и тощенькая, а ведет себя как дитя малое! Где еду взять – не знает, убрать бардак даже не подумала, только новый навела, а главное, совсем не думает о последствиях своих поступков и об ответственности!»

Тихонько побарабанив кончиками пальцев по столу, домовая хмуро проследила, как Элька стряхнула на пол пустые ореховые скорлупки.

– А скажи-ка мне, девушка, – Лушка ткнула пальцем в грязный пол, где ореховая шелуха, перемешавшись с осколками посуды, мозаикой влипла в подтеки варенья, – зачем ты мусоришь? Разве мало грязи на полу? Ты же говорила, когда отца нет, ты хозяйка дома, верно?

Элия, смотря на суровую маленькую женщину, чуть испуганно кивнула, но все же попыталась оправдаться:

– Так там все равно грязно, сама видишь. Потом папа приедет, новых служанок наймет, они все уберут. И вообще, я же тебя вызвала, чтобы ты все мне сделала. Значит, тебе и убирать. А что скорлупки на полу, так зато стол прибирать не придется. – Считая, что она облегчила труд домового духа, Элька похлопала ладошкой по столешнице.

– А посмотри-ка, голуба, что в тетрадочке-то твоей написано? Чем дух домовой заниматься должен? – Инфантильность девчонки немного раздражала обычно довольно терпеливую Лукерью.

– Ой, да чего смотреть-то? – отмахнулась та. – Я и так помню. Домовой дух помогает хозяевам по дому.

Лушка озорно подмигнула и, вытащив из кармашка конфетный фантик, порвала его на мелкие кусочки, украсив бардак на полу золотистыми блестками фольги от обертки.

– Ну вот, принимай помощь, хозяйюшка! – мысленно извинившись перед домом, ехидно пропела она. – Как тебе моя работа?

Элинора широко распахнутыми глазами смотрела на нее и только хлопала ресницами. Наконец девочка схватила тетрадку и гневно ткнула в рукописные чернильные строчки.

– Тут написано, что ты помогаешь по дому! Помогает, а не безобразничаешь!

– Правильно, – степенно кивнула Лушка. – Хозяйка прибирается – я помогаю, хозяйка готовит – я помогаю, ну а в нашем случае ты, хозяйюшка, бардак разводишь – так я хоть и не люблю беспорядок, но вот тоже помогла по мере сил! Так что, хозяйюшка? Дальше-то что делать будем?

Элия на протяжении всего домовушкиного объяснения съеживалась на своем стуле в комочек.

– Ничего не будем, – сердито буркнула она. – Если я ничего не умею, так и ты мне не поможешь. Наверное, зря я тебя вызвала!

– О как?! – поразились ее словам Лукерья. – Выходит, если я тут как служанка за тебя работу не делаю, то можно только пожалеть, что меня от смерти спасла?

– Ой! Я ведь не подумала. Прости, пожалуйста! – У девчонки на щеках полыхнули от стыда багровые пятна. – Просто не знаю я, что делать!

– То-то и оно! – вздохнула домовая. – Неужто тебе и правда четырнадцать? Что ж ты не знаешь ничего и не умеешь? А друзья твои такие же? Тоже думают, что хлебушек пекари из воздуха берут? Как дите малое, а еще хозяйкой дома назвалась! Жиличка ты покамест, а не хозяйка!

– Нет у меня друзей, одна Вилька еще со школы, и то редко видимся, – захлопала от такой отповеди враз покрасневшим носом Эля. – Как мама пропала, папа меня из школы забрал и учителей нанял. Гулять я в сад хожу, а убирает и готовит прислу-у-уга... А я их вы-ыгнала...

«Да уж, – покачала про себя головой домовая. – Видать, папенька в воспитании не силен. Что из неумехи в такой изоляции вырастет? А потом в магическом колледже она и учиться со сверстниками не сможет! Откуда там слуги-то? Всяко не только у богатеев дар магический находится, раз мир на магию к людям щедр».

– Вот что, девонька! Слезы-ка ты утри, от слез твоих беспорядок как снег не растает! Да и еда от сырости не появится! – Она протянула шмыгающей девчонке платок. – Ты вот говоришь, готовить не умеешь и убираться не знаешь как, а одевали тебя тоже слуги или мода у вас такая? И волосы у тебя красивые, только пошто нечесанные и незаплетенные? Порядок в доме с хозяйки начинается! А про матушку твою я тебе вот что скажу. Если отец верит, что жива, значит, жива. Мертвой ее никто не видел. Чтоб сердце успокоить, помогу, как смогу. Ты мне вечером ее изображение покажи. Есть ведь у вас семейные картины всякие? Домовые, они на картиночках этих видят, живой ли человек. Да и на сон одну вещь посоветую! А пока надо с делами да заботами разобраться, слезы лить некогда.

Обрадованная Элька утерлась платком и уже совсем другими глазами посмотрела на строгую маленькую женщину. Соскочив со стула, она чуть не наступила на осколок тарелки и с криком: «Я сейчас, это я умею!» – выбежала из кухни.

– Вот непутевая! – сердито проворчала домовая. – Поранилась бы, а я даже трав тутошних не знаю. Есть у них подорожник хоть или нет совсем.

Домовая тоже встала со стульчика и, прищелкнув пальцами, порадовалась обилию магии. Опасные осколки и мусор собрались в компактную кучку и перебазировались в угол к полуобгоревшей мокрой тряпке. Башмак, в который Лукерья переместилась из своего мира, она почистила и поставила за штору на подоконник.

Когда чистенькая, одетая в простое платье и причесанная Элия вернулась в кухню, домовая как раз осматривала продуктовые запасы.

– Ну, с голоду не помрем, но и разгуляться не разгуляемся, – бормотала она, доставая муку, бутылку с жидкостью, опознанной ей как постное масло, соль в баночке и специи в мешочках. Содержимое овощного ящика Лукерью порадовало, в отличие от Эльки она прекрасно знала, что со всем этим делать.

Девочка посмотрела на убранный в угол мусор, на вытащенные продукты и смешным важным жестом сложила руки на груди, приняв строгий вид.

– Ты зачем меня обманывала? Я ведь не сделала ничего, а ты вон мусор в кучу собрала и продукты достала, словно еду готовить собираешься. Значит, и не надо мне ничего делать, чтобы ты помогала! Ты сама все сможешь!

Элия надулась как мышь на крупу и сердито смотрела на домовую.

– Божечки-пирожочки! – всплеснула руками Лушка. – Как дите малое! Нет чтобы спросить, так ведь надуться лучше. Так только малыши-несмышлениши делают!

– Хорошо, я спрошу, – кивнула девчонка, разглаживая складочки на подоле светлого платья. – Что я сделала? Почему ты стала убирать дом и достала продукты?

– Хозяйка дома привела себя в порядок, а я сгребла мусор, – пожала плечами домовая. – Если ты весь мусор выкинешь, то я протру пол и столы. В чистой кухне уже можно и еду приготовить. Только аккуратно, стеклами не порежешься, – предупредила она Эльку и, глядя, как та неуклюже примеривается к кучке мусора, посоветовала: – Ты бы фартук какой надела, что ли. Должен же быть на кухне фартук.

Она оглядела светло-голубую просторную кухню с мраморными разделочными столешницами, лепными завитушками в отделке стен и плотными темными шторами в комплекте с белым тюлем. Если бы не подпалины от огня и мусор, то это была бы кухня мечты, настолько светлой и уютной она выглядела. Множество еще неисследованных шкафчиков и ящичков манили, а блестящие кастрюльки и сковородки так и звали приготовить что-нибудь вкусное.

– Вот! – Ненадолго выйдя из кухни, Элия вернулась, повязывая поверх платья серовато-коричневый фартук из грубого полотна. – Я сейчас в засасывалку все закину. – Она оглядела продукты, которые отобрала домовая, и поморщилась. – А ты уверена, что из этого можно приготовить что-то вкусное?

– Вот начнем и узнаем, – улыбнулась Лушка, поняв, что вроде нашла с девчонкой общий язык и та, возможно, перестанет пытаться изображать из себя не пойми какую цацу. – А что такое «засасывалка»?

– Да вот она. – Элия открыла небольшую дверцу, за которой царил чернильный вакуум. – Туда выкидывают все ненужное. Не знаю, куда все исчезает, но мусор точно надо выбрасывать туда.

– Ну, раз туда, то выбрасывай, – согласилась домовая, наблюдая, как девочка неловко собирает обгорелой ветошью мусор и осколки. Лушка даже незаметно помогла магией, чтобы ничего не рассыпалось.

– Вот, я сделала! – Элька повернулась к домовушке. – Теперь твоя очередь!

Лукерья задумалась и, магича, чуть пошевелила пальцами. Перед ней, тихонько звякнув, очутилось небольшое ведерко и пара тряпок.

– Ну что, хозяйка, где водицы набрать можно? – спросила она, глядя на удивленно раскрывшую рот девчонку.

– Так вон ту штучку надо потянуть. – Элька ткнула пальцем в блестящую медную блямбу у раковины. Лукерья все удивлялась, почему раковина есть, а краника нету. Даже умывальника деревенского над ней не висело.

Блямба оказалась чем-то вроде гибкого шланга из металлических колечек.

– Слушай, а откуда ты это взяла? – Пока Лукерья пыталась понять, как включить воду, девчонка с любопытством подошла и потыкала пальцем в оцинкованный бок ведерка.

– У правильной домовой всегда есть магические плетения для создания помощников в уборке, стирке и готовке. Бытовая магия! А воду-то как включить? – Она крутила в руках непонятную гибкую железку.

– Так ты не думаешь, куда тебе вода, – непонятно объяснила Элька. – Смотри!

Девочка забрала шланг и, повесив над раковиной, подставила под него руки. Из шланга полилась нормальная струйка воды.

– Вода теплая, чтобы помыть руки. Еще включается, если в руках грязная посуда, я сама видела. А если подставить чайник или кружку, идет холодная. Ни разу горячая не лилась.

Она взяла ведерко, и туда полилась вода.

– Ой, – девочка потрогала налитую водичку, – почти горячая! Ведерко же чистое было? Блестело даже как новое.

– Думаю, это какая-то бытовая магия, которая понимает, какая емкость для чего предназначена, – нашла объяснение этому явлению домовушка.

– У нас такой магии нет, – покачала головой Эля. – Есть магия стихий и еще ремесленная магия артефакторов. Она очень сложная, там как-то стихии переплетают, чтобы придать предмету определенные свойства. Вон как у ларя холодильного, – кивнула она на запертый магический шкаф. – Кухарка заперла, а там наверняка полно еды. Я не знаю, как он открывается. А может, ты своей бытовой магией сможешь?

– Вот уж не знаю, – пожала плечами Лукерья, – но бытовая магия много пользы не только в доме принесет, с ней и красоту можно навести, и наряды переделать без портнихи так, что подружки ахнут! – Заметив, как у Элии загорелись глаза, она все же немного остудила пыл девочки, посоветовав: – Давай начнем с простых задач! Мусор убрали, воды налили, теперь наведем чистоту!

Намочив небольшую тряпку, она, ускорившись как маленький смерчик, прошла по всем поверхностям, оттирая копоть подпалин и липкие следы от варенья, оказавшиеся еще и на дверцах шкафчика. Потом старательно отмыла паркет и, высушив чуть теплой волной воздуха влажные, покрытые лаком досочки, достала мягкую тряпочку, скатанную в тугий рулончик, и баночку воскового полироля. Это богатство она обнаружила в нижнем ящике стола вместе с кусками мыла, щетками и посудными мочалками. Напевая себе под нос «Не кочегары мы, не плотники, а домовые мы работники», Лушка увлеченно полировала пол, особенно старательно затирая царапины пентаграммы.

Элька, снова сидя на стуле как нахохлившийся воробей, сначала наблюдала с интересом, но потом не выдержала.

– Ну вот, уже почти чисто, а что можно сделать из этого, – она махнула рукой на горку продуктов, – мне совершенно непонятно.

Закончив с паркетом и полюбовавшись на сияющую чистотой кухню, Лушка оглядела продуктовый ассортимент. Надо сказать, с продуктами было негусто.

Как говорится, есть мука, но нет яиц. Есть картошка, нет молока – и так далее по списку.

– Сама понимаешь, выбор невелик, – вздохнула она, – поэтому пожарю я, наверное, картошки с лучком. Без хлеба, конечно, плоховато, даже чаю не с чем попить, но есть у меня один интересный рецептик. Одна жиличка как-то хозяйке рассказала. Вкуснящая вещь! Не какие-то там печенки, а настоящие хрустящие крекеры с луком!

– Печенье с луком? К чаю? – вытаращилась на нее Элия и захохотала. – Может, тебя потому и Лукерей зовут, что ты все с луком готовишь?

Лушка тоже захихикала на такое совпадение, но пообещала, что от таких печенек-крекеров Эльку потом за уши не оттащишь!

– Давай, хозяйка, засучи рукава да принимайся за дело. Где советом подскажу, а где и подмогну, – подмигнула она растерявшейся девчонке. – Кухонная-то наука нехитрая, хоть и тонкостей всяких много имеет. А уж молодой барышне завсегда пригодится, – важно подняла она к потолку указательный палец, – потому что обстоятельства, как ты видишь, разные бывают.

– Вот смотри рецепт, – Лушка достала из кармашка фартука листочек в клетку, – ничего сложного. Подготовить продукты, отмерить все как положено и замесить тесто. Для начала почисти лук, а я займусь картошечкой. Картошки намного больше надо. С лучка вот с этого кожуру сними, одна луковка мне пойдет в жарку. – Домовая выложила перед Элькой три средние луковки и, подрезав у одной засохший «хвостик», ножом показала, что очищать.

– Ой, горюшко! – спохватилась она, увидев, что после первой снятой кожуры девчонка умудрилась вытереть рукой заслезившиеся глаза. – Кто ж руками в луковом соке в глаза лезет? Промой водичкой холодной! Да ножик окуни в нее. Если лезвие в холодной воде мочить, то при нарезке и чистке лука плакать не придется.

– А его еще и резать надо будет? – надулась Элька на шипучий лук. Лучок, кстати, для домовушки оказался с сюрпризом. Под обычной желтенькой шелухой скрывалась беленькая луковка в зеленую и лиловую крапинку.

– Его не просто порезать надо будет, а в кашу-пюре измельчить, – усмехнулась Лукерья. – Но тут уж я подсоблю, а ты картошку на ломтики порежешь. Картошка – овощ мирный, хоть у вас и выглядит занятно.

Мирная картошка радовала глаз небесного цвета мякотью под серовой неаппетитной кожурой.

– Как есть, какая-то мутация магическая, – рассматривала домовушка диковинный клубень. – Может, такую вывели, чтобы аппетиту дамы лишались? Слыхала я как-то, что синее да голубое аппетиту не способствует.

Элька на диво ловко расправилась с остальным луком. Хотя было странно смотреть на то, как эта неумеха уверенно управляется с ножом.

– Ты, хозяйюшка, поведай-ка мне, где ножичком так орудовать наловчилась? – не скрывая удивления, любопытствовала Лукерья.

– Когда я маленькая была, папа мне фигурки из дерева вырезал. Он заготовки под артефакты делал каменные, а я все под руку лезла, – улыбнулась Элька, начав нарезать картошку и косясь на то, как домовая, словно у нее не две руки, а миллион лезвий, превратила две луковки в почти однородную кашу. – Чтобы не мешала, он мне скалозуба вырезал. Потом парконялку и кундика. А когда я выросла, мы иногда вместе вырезали. А потом мама пропала, и он стал все время занят. – Она грустно вздохнула и, ссутулившись, продолжила крошить картошку на мелкие ломтики.

– Ну ничего, ничего, девонька, – стала утешать ее Лукерья. – Чай, время как зерно, все перемелется, а там и хлеб будет!

Повозившись с незнакомой плитой, она сообразила, как включить нагрев, домик подсказал, маревом пыхнув над ней и спроецировав женские руки, готовящие какую-то еду. Все оказалось просто до смешного: ставишь кастрюльку или сковороду и пальцем вокруг обводишь, мысленно задавая температуру и примерное время до выключения или смены режима. Лушка обо всяких умных штуках в интернете на Земле читала, любопытствуя, но такого наука вроде еще не придумала. А тут магия и «умный дом», не тот, что команды запоминает, а который сам подсказчик. Очень домовушке такое понравилось.

А меж тем картошечка уже жарилась, а они в две головы склонились над миской, куда просеивалась мука, выкладывалось луковое пюре да лилось постное масло.

– Вот еще подсолить и разрыхлитель намешать, – бодро командовала домовушка, показывая, как ложкой и стаканом взвесить-измерить продукты. – Вот ведь и сода есть, чую, что она самая, и кристаллики лимонной кислоты в пакетике, а разрыхлитель намешать не догадались! – фыркала она, подсыпая в смесь немного муки. Комок теста получился совсем небольшим, и Элька разглядывала его весьма скептически, пока домовушка мешала поджарившуюся картошку.

– Луш, – она потыкала пальчиком в тяжеленький пластичный комок, – тут печенек-то штук десять, наверное, выйдет, надо было больше делать.

– Не наплакалась с лука-то? – подколола ее домовая. – Чайку попить хватит. Потом сил поднаберемся и думать будем, как до приезда твоего родителя жить-поживать, чтобы было что пожевать!

Скалка, нашедшаяся в одном из шкафчиков, тоненько раскатала эластичное нелипкое тесто под мерный говорок-пояснения Лукерьи:

– Такие крекеры и с сыром можно делать, и с семечками маленькими, и с зеленушкой да специями. Чуть меняй рецепт – и вот тебе новый вкус. Луковый самый простой, в другие то да се надо. А в эти все под рукой! На-ка нарежь на свой вкус, – протянула она девочке ножик.

– А как резать надо? – Элька схватила нож, но замерла над тонко раскатанным пластом, боясь сделать что-нибудь не так.

– Молодец! – похвалила домовушка. – Если не знаешь, спроси! Не знать не стыдно, стыдно не спросивши и не умеючи дров наломать! А порезать можешь как хочешь. Можешь на квадратики или прямоугольнички, можешь полосочками вот такой толщины, как твой большой палец. Главное – не мелко и не крупно, в меру.

Лушка с удовольствием наблюдала, как кивнувшая девочка старательно, прикусив высу-нутый от усердия кончик языка, режет тесто аккуратными полосками. Подготовить противень да загрузить в магическую печь было делом минутным. Да и сами печеньки пеклись очень быстро. И получилось их много, целый противень румяных да духовитых!

Две немного уставшие барышни в фартучках, сытые и довольные собой и друг другом, чаевничали за столом, хрустя свежим печеньем.

– М-м-м... соленькое и так хрустит, невозможно оторваться! – блаженно жмурилась Элька. – Для такого я готова еще лука начистить! Очень, очень вкусно! У нас только сладкое печенье делают. Пироги разные есть, а печенье только сладкое.

– А теперь такое появилось, – добродушно улыбнулась ей домовушка. – Вот придумаем, как артефакт тот холодильный открыть, глядишь, и еще чего новенького наготовим. Только вот я еще спросить хотела: кто такие эти ваши скалозуб, парконялка и кундик?

Глава 4. Всякие зверушки и вороватый «ежик»

Пока домовая, раздумывая, ходила около холодильного ларя, Элька сбегала к себе в комнату и притащила небольшие, с ладошку, фигурки зверюшек. Парконялка была похожа на земного носорога с ящерковым хвостом. На конце морды у нее красовался рог с какой-то круглой штучкой.

– Этот шарик у парконялки меховой. Их выводят для экипажей и перевозки грузов. Чем пушистее и ярче мех на роге, тем сильнее и выносливее зверь, – объясняла домовушке Элинора, крутя в руках деревянную фигурку. – Папа рассказывал, что мошенники их красят, чтобы подороже продать.

– Да уж, – поддержала ее домовушка. – Эти во всех мирах одинаковы. Раньше лошадей красили, пятна им затирали, стригли, специальными травами кляч поили, теперь машины ворованные красят да по винтику перебирают, чтобы хозяин не узнал. А у вас, вишь, рогатикам помпоны куафюрят, чтоб хозяева не отыскали.

– Да нет! – засмеялась девчонка. – Хозяева и есть мошенники. Парконялку никто красть не станет. У них на хвостах такие узоры хитрые, у каждой свой, и отпечаток стоит в документе владения. А красят, чтобы цену поднять. Темно-красный мех на роге лучше розового, потому что бежать будет быстрее и меньше устать. Вот при продаже и пытаются потемнее цвет сделать.

Лушке такой зверь понравился. Рисунок на хвосте как отпечаток пальца – занятная вещь, да и помпошка на морде, наверное, миленькая, только вот в доме техника вроде хоть и магическая, но вполне современная по земным-то меркам. Вот и не удержалась, перебила Элину, когда та уже про другого зверька рассказывать собралась:

– А почему на парконялках-то возят? Неужто машин магических нет? Вон кухня вся на магии, без дров и печи, да и освещение не свечи.

– Машины есть, но только в городах. А грузы по стране на них возить неудобно, это надо мага нанимать, чтобы все время двигатель заряжал. Так ведь и застрять можно где-то в лесу, а может и сломаться! Дороги не везде хорошие, а артефакты редко прочными делают, а если делают, то только большие. – Эля кивнула на холодильный шкаф и плиту. – Для перемещений только стихийная магия воды и ветра идет, а тогда артефакты или в корпус прочный убрать и заряжать постоянно, или подставить под влияние стихии, но так они в негодность быстро придут. Мне папа рассказывал. Поэтому экипажи только в городе, у магов свои, а обычные люди могут на ездушках кататься. Если у ездушки сигнал бледнеет, ездовик к своей конторе едет, и там нанятый маг заряжает. У больших контор несколько магов работает, и ездушек у них больше.

Удовлетворив свое любопытство, Лукерья теперь рассматривала две оставшиеся фигурки и гадала, кто из них скалозуб, а кто кундик.

Одна тварюшка напоминала толстого пингвина верхом на пауке, а вторая – домашнюю свинку с лисьим хвостом и выпученными жабыми глазками. Зверьки были, откровенно говоря, малосимпатичными, но, с другой стороны, кошку, которой была Лушка, Эля тоже обо-

звала чудовищем, наверное, не просто так. Все непривычное может показаться или очень красивым, или жутко уродливым.

– Вот это скалозуб, а это кундик, – ткнула Лушка пальцем вначале в свинку, потом в пингво-паука.

– Не угадала! – хихикнула Элька. – Наоборот!

Оказалось, что хвостатая свинья, кундик, выполняла тут функцию домашней птицы! Она несла яйца, а тонким пухом с хвоста набивали подушки. Размером эти зверушки были с кролика и жили стайками на специальных фермах, строя на земле гнезда из прутьев и соломы.

– Я как-то просила маму с папой купить мне кундика. Думала, будет жить в саду, а я с ним играть буду. Но мама сказала, что один он не выживет. Надо не меньше пяти, но тогда от сада ничего не останется! Все перероют. А скалозубов держат сыщики. – Девочка погладила тощие паучьи ножки деревянной тварюшки. – У них нюх и слух очень тонкие, и если нет магической преграды, то проберутся куда угодно. Они совсем маленькие, вот такие, – девочка показала руками размер морской свинки, – а скалозубами зовут потому, что они прогрызут даже каменную стену. Их надо забирать, пока слепые, чтобы к хозяину привязались, или щитки надевать на голову. У нас у одного мальчика в школе был такой, но они очень дорогие и редкие. В неволе живут только с хозяином и не размножаются. Их охотники добывают где-то, я про них мало знаю. – Эля вздохнула, и Лушке стало ясно, что о скалозубе она тоже мечтала.

Похоже, девочка хотела любую зверушку, лишь бы была, но вот задумывалась ли она, что за ними нужен уход, или, как привыкла, надеялась на слуг, Лукерья не знала. Но уж сейчас-то мечтать о неведомых зверюшках было неразумно, скоро самим есть будет нечего. Запор холодильного шкафа работал на какой-то блямбе, напоминающей кодовый замок. Такой обычный навесной с крутилками для шифра, только вот тоненькие алые ниточки вокруг пяти колесиков наводили на мысль, что надеяться на авось и подбирать комбинации не стоит. Чем это чревато, было неясно, домик помочь ничем не мог, только показал, что надо крутить, а экспериментировать на своей шкуре Луше не хотелось. А тут и девчонка вдруг про него вспомнила.

– Луш, а холодильный шкаф ты уже открыла? Нам там еды до приезда папы хватит?

– Не смогла я этот шкаф холодильный открыть, Элюшка, не работает на нем моя магия, – покачала головой домовая, – надо что-то другое придумывать. Хорошо бы артефактора по таким шкафам, да где ж его взять? Ну и заплатить тоже нечем, если бы даже вдруг нашли. Может, в вашем саду что съестное растет? Помнится, на голодный желудок и щи крапивные или щавелевый суп хорошо, хоть и не шибко сытно. Надо бы посмотреть.

Элинора, надеявшаяся, что ее домовый дух сейчас дунет, плюнет и все откроет своей неизвестной магией, растерялась.

– Я даже не знаю, – честно призналась она. – Раньше мама садом занималась и мне рассказывала, что где растет. У мамы магия земли была. Но там сейчас все заросло, я иногда гуляю по дорожкам, но это скучно. Папа говорит, что гулять полезно, но со мной не ходит. Все время сидит в кабинете со своими расчетами чего-то важного.

– Ну, не посмотрим – не узнаем, – бодро прыгнула с высоковатого для нее стула домовая. – Может, я что признаю, может, ты чего вспомнишь. Глядишь, и прогуляемся, и польза

будет. Хорошо бы огородик разбить, да семян взять неоткуда, – рассуждала Лушка, идя за тоненькой высокой фигурой Элии по коридору к задней двери. – Картошка есть, так ее за неделю не вырастишь, чай, не кресс-салат. Да и пускать на семена еду сейчас бессмысленное расточительство.

Из дома в сад вела застекленная веранда с уютной мебелью для чаепития и отдыха. Изысканные стульчики на гнутых резных ножках с мягкими бархатными сиденьями глубокого темно-синего цвета стояли вокруг круглого стола с голубой полотняной выгоревшей скатертью. Пара креслиц в углу около еще одного круглого, но низкого столика тоже щеголяла выгоревшей серой обивкой с полинявшей местами вышивкой синих тонов. Лушка не поняла, почему обивка стульев осталась неизменной, но грязноватые стекла, линялый текстиль и пыль, танцевавшая в солнечных лучах, пробивающихся через окна, совсем не красили это некогда замечательное место для семейных застолий на воздухе.

– А служанки-то тут совсем не прибирались? – чихнув от пыльной взвеси, поднявшейся, когда домовая потрогала скатерть, спросила она Элию.

– Не знаю, – пожала плечами та, распахивая ажурную застекленную дверь в сад. Словно жалуюсь на хозяев, створки жалобно скрипнули редко смазываемыми петлями. – Я внимания не обращала, просто проходила в сад.

– Угу. – Про себя Лукерья укоризненно покачала головой: «Расти и расти тебе, девонька, до настоящей хозяйки большого дома».

– А что-то я все спрсить забываю: как ваш мир-то называется? – Лушка остановилась в дверях, раздумывая, пойти в сад так или лучше кошкой.

И у того, и у того варианта были плюсы и минусы. Кошкой она не сможет общаться, но нюх и слух могут помочь и многое подсказать. К тому же, откровенно говоря, если сад действительно сильно зарос, гибкий зверек пролезет везде, где захочет, да и незаметность тоже плюс. Лукерья не знала, какой забор закрывает от взглядов прохожих и соседей – может, какая-нибудь кружевная оградка в метр высотой.

– Наш мир? – удивилась вопросу Эля. Она больше ожидала расспросов про растения в саду, думала, в какую сторону лучше пойти, и вспоминала, что и где приблизительно росло. – Мир называется Руенил. А тебе зачем?

– Ну как зачем? – в свою очередь поразились странному вопросу домовая. – Должна же я знать, куда попала! И вообще, знания лишними не бывают! Тут только люди живут или еще есть какие разумные? Какая магия и как ее используют? Про растения и животных интересно. Кто правит? Сколько континентов и государств? Что едят и как лечатся? Опять же наряды местные и развлечения – тоже крайне любопытная тема! – Она с хитринкой смотрела на растерявшуюся девочку.

– Континентов у нас три, и еще есть острова. Островных государств много, а на континентах по одному на каждый. Раньше было больше. На нашем пять было, но они объединились. Правит совет магов. Пять столпов и десять зубцов. Еще есть немагический совет. В нем представители разных сословий и... – Элька запнулась, вспоминая урок.

– А книги у тебя про все это есть? – Лушка решила не мучить девчонку, а попытаться разобраться самостоятельно хотя бы в географии мира и политике.

– Конечно, есть! – горячо закивала Эля. – У нас очень хорошая библиотека! Только журналов по последней моде нет, но можно потом у папы попросить будет. А вот про еду книжки есть даже с картинками!

– Вот и славно, – улыбнулась домовушка. Они уже немного прошли по тропинке вглубь сада, и Лукерья с радостью углядела в кустах глянцевого бока каких-то плодов. – Я, наверное, сама в книгах посмотрю, а спрошу, только если что неясно будет. Ты лучше глянь, вон там что такое? Арбузы, что ли? – Она ткнула пальцем в большие полосатые шары в зарослях листвы.

– Так это же и есть яблоки! – засмеялась Элинора. – Самый ранний сорт! Мама саженцы из Нулонии выписывала. Это на юге нашего континента, – пояснила она, помня, что домовая ничего не известно. – Там почти везде сады, и оттуда привозят лучшие фрукты и овощи.

Лукерья, слушая, уже решительно раздвинула гибкие ветки и поближе рассмотрела гигантское яблоко. Вблизи это действительно было сильно увеличенное яблоко полосатой желто-зеленой окраски, но домовушку насторожило отсутствие яблочного аромата.

– Элечка, они, наверное, незрелые еще? Яблочного спелого духа совсем нет, – приуныла она. – Видно, хоть и ранний сорт, да еще незрел.

– Так сорвать надо! – подсказала девочка. – Видишь точки у плодоножки? Еще неделя – и сами отпадать начнут, тогда тут запах стоять будет на всю округу.

– Ого! Это у нас всего неделя на сбор? Да и переработать урожай надо, – сразу посерьезнела домовая. – Ранние сорта обычно не очень лежкие!

– А как? Пирогов столько не съесть, да и печь почти не из чего. А для варенья, я знаю, сахар нужен, – сразу сообразила и запечалилась Элия. – Хорошо, у нас их всего три куста.

– Хорошо, что всего три, – согласилась Лукерья, – и что куста, а не дерева – тоже замечательно. А чтобы не пропали, пожалуй, сушить будем. Пока не знаю как, но сообразим попозже. Пошли дальше.

– А яблоки? – Элька уже собиралась открутить один плод размером с футбольный мяч.

– Так куда ты с ним? – отмахнулась Лушка. – Если ничего не найдем, то на обратном пути прихватим, а и найдем, так потом сбегает. Недалече от дома растет, не перетрудимся несколько раз сходить.

Домовушка выбралась обратно на тропинку и, оглядевшись, решительно повернула направо, слева ближе к дому буйно разрослись цветущие кусты, напоминающие земные розы.

– В те колючки смысла нет без секатора и тямки соваться, даже если там и растет что-то съедобное, – пробурчала она себе под нос.

– Ага, там мамины любимые шарзели, больше ничего нет, – согласилась Эля. – Зато они красивые, и у нас их восемнадцать сортов! Ни у кого столько не растет!

Лукерья не стала расстраивать девочку, что одичавшие шарзели-розочки уже вряд ли назовешь сортовыми, а у кого-то из горожан вполне может уже иметься гораздо большее количество сортов, причем в самом ухоженном виде.

«Надо бы сад в порядок привести, – задумалась она, – но территория слишком большая вне дома. Может, вблизи верандочки я и смогу, а дальше не справлюсь. Все же я домовая, а не садовая. Да и на девчоночку надежды мало, вон ручки-прутики. В чем у пигалицы душа держится. Тут не Земля-матушка, огородничка-дворовичка днем с огнем не сыщешь».

Потихоньку пробираясь мимо деревьев и кустов, барышни умудрились до половины наполнить свои корзинки, легким взмахом сотворенные Лукерьей из подходящих гибких прутиков.

– А я тоже так смогу? – полюбопытствовала Эля. – Я способная! Если мне плетения несколько раз показать, я запомню!

– Ой, девонька, – хихикнула Лушка, – да ведь не в плетении дело! Магия бытовая особая, чтобы ей научиться, надо сначала ручками поработать! Вот с пару десятков корзинок сплетишь, тогда и магией сможешь. Только не кособоких, а ровненьких, чтобы как на выставку!

– Ну-у-у... – Элия немного расстроилась, – это же долго и сложно, наверное.

– Так ведь жизнь совсем не простая, Элюшка. Неужто ты как родилась, так и ходить стала или разговаривать? Или, может, есть ложкой и книги читать сразу начала? – Лушка настороженно прислушалась к каким-то едва слышным подозрительным шорохам за толстым кряжистым деревом с резными лиловыми листочками. – То-то и оно. Ведь и вашей всякой магии в академиях небось учат. Все непросто, и всему в жизни учиться надо. Вот смотри, сколько мы всего набрали полезного и нужного.

В корзинке, переложенные листьями, лежали розовые крепенькие грибочки, десяток странных плодов в скорлупе, выкопанных из-под куста, еще Лукерья наткнулась на кочку щавеля и радостно нарвала целую охапку. А у Эльки было несколько желтых мохнатых ягод величиной со сливу и длинные стручки, похожие на фасоль.

– А вот здесь где-то еще должна быть груша и кусты с медовикой. – Девочка махнула рукой в том направлении, откуда домовушке слышались подозрительные звуки.

– Ты, Элюшка, постой тут немного. Я только гляну. Там, кажись, шуршит кто-то, может, ежик какой, или что тут у вас за садовые зверьки водятся? – Домовая обернулась кошкой и под зачарованным взглядом девочки исчезла среди кустов за деревом.

– Ежики, что за странное слово, – фыркнула Элька, поднимая ее корзинку. – Не водятся у нас такие, и вообще, ограда артефактами защищена, так что никого там водиться не может.

Раздумывая, пойти за Лушкой или все же не стоит, она вдруг увидела выскользнувшую назад кошку. Зверек раздраженно махал полосатым хвостом и, прыжком очутившись на дорожке и чихнув, превратился в начавшую расти домовую.

– Ой, Эля, у тебя там, кажется, гость! Упитанный, да невоспитанный! Сам себя пригласил, сам себя потчует. Диковина так диковина! – рассказывала домовая.

– Не может быть! Неужели кто-то артефакты поломал? Но тогда оповещалки бы в охране сразу сработали и охры на сигнал приехали. – Эля не знала, что и думать, и ей было страшно. – Это ж какой силы должен быть маг, чтобы ограду артефактную сломать и сигналку заглушить? Луша, что же делать? Самим в охрану бежать?

– Не бойся, хозяйюшка, найдем на этого «великого» управу! Пошли встречать гостя дорогого и выпытывать, пошто залез да на чужое добро позарился. Этот взломщик, кажись, ровесник тебе. – Лукерья забрала у девочки свою корзинку и, отломив от куста длинную ветку, решительно повела Эльку за собой, грозно помахивая хворостиной.

Глава 5. Попались!

– Поль Муэрто Эдриан сэн Рэн! – Звонкий голос Элиноры заставил вздрогнуть и испуганно оглянуться сидящего в траве под кустом подростка. – Как ты посмел пробраться в наш сад без спросу? Отвечай! Почему артефакты не сработали? Да и медовика тут растет не для тебя!

Девчонка, узнав нарушителя владений, храбро выступила из-за спины домовой и грозно наступала на него, тряся корзинкой.

В отличие от худенькой и долговязой Эльки паренек был пухл и невысок. На бледном, веснушчатом, круглом, как блинчик, лице ярко выделялись рыжие крапинки веснушек. Светлые бровки удивленно вздернулись при виде двух барышень с корзинками, а светло-карие глазки суетливо забегали, выдавая его мысли о том, что лакомка хочет улизнуть.

Но положение его было хуже некуда. Над ним стояла дочь хозяина дома с весьма грозным видом, а за спиной мисс сэн Хейль находилась еще одна барышня, очень маленького роста, но с большим прутом в руке, которым она помахивала хорошо знакомым Полю движением. Так обычно держал в руках ремень его батюшка, считающий, что пришло время вправить наследнику мозги через мягкое место, которым тот, очевидно, привык думать!

За спиной же путь к бегству преграждали заросли кустов медовики, которые пару минут назад с удовольствием объедал сладкоежка – и улики были налицо. Точнее, на лице и руках. Сладкие золотисто-зеленые разводы сока пятнами украшали его щеки и ладони. К тому же расположился он с удобствами, полулежа на снятой курточке, и теперь смотрел на сердито стоящую Эльку снизу вверх, так что было крайне неудобно сохранять достоинство в столь неприятном положении.

Ну что ж, оставалось только держать лицо и попытаться договориться.

– Дамы, – неуклюже встав с травы и заставив Эльку отступить на пару шагов, толстячок вежливо поклонился, – если вы позволите, я все объясню и отвечу на вопросы. К тому же, надеюсь, мы сможем с вами договориться? – Он покосился мимо Элиноры на внимательно наблюдавшую за ним низенькую женщину в фартучке с оборкой.

Эта дама, с его точки зрения, была очень странная. Взрослая женщина ростом с семилетнего ребенка, с темными, слегка взлохмаченными волосами и мудрыми глазами много пережившего человека. На самого Поля так когда-то смотрела бабушка, приезжавшая с северных хребтов погостить.

– С мисс сэн Хейль мы знакомы, но второй даме я не имел чести быть представленным. – Он выжидательно посмотрел на Элинору в надежде, что его бывшая одноклассница поймет намек и познакомит его с неизвестной. Элька только надменно фыркнула, ничуть не впечатлившись его манерами. Она прекрасно помнила, кто устраивал в школе половину проделок и каверз, но при этом почти не попадался и учился на отлично.

– Значит, так, ежик садовый, – Лушка протянула ему свою корзинку и погрозила хвостиком, – бери-ка наши корзинки, и к дому пойдем. Негоже тут разговоры разговаривать, а уж

договоры заключать посередь улицы и вовсе не след. Имя твое я слышала, чай, не глуха пока, – проворчала она и веско добавила: – А вот называть тебе свое или нет, еще подумаю. Элочка, ты ягод себе этих сорви несколько горстей да корзинку негаданному помощнику отдай, с полными руками бегать несподручно, а я уж прослежу, чтобы не бросил.

Поль удивился необычной речи с какими-то странными оборотами.

«Вроде и понятно, но странно, – думал он, глядя, как девчонка набирает в корзинку ягоды. – Может, иноземка какая? Выписали из Фелона мага земли учителем, иначе зачем им все эти растения. Может, в Фелоне магички все такие маленькие».

Его размышления прервали, сунув в руки вторую корзину с поклажей, а темноволосая дама, чуть шевельнув пальцами, что-то шепнула, и прутьики-ручки корзины обхватили его запястья.

«Точно, училка-маг, – погрустнел Поль, – договориться не удастся. Сдаст отцу, как пить дать сдаст! А в дом ведет, чтобы корзины не тащить, ну и нотации, конечно, читать будет! Училки без нотаций не могут! Типа бла-бла-бла... как можно... из такой приличной семьи...»

– Отцу жаловаться будете? – Идя за девчонкой по заросшему саду, он через плечо оглянулся на домовушку.

– Отцу? Не знаю, не знаю, – задумчиво пробормотала Лукерья, размышляя, что делать с пареньком. – А кто у вас отец, молодой человек? Чем занимается?

– А то вы не знаете! – фыркнул надутый рыжик. – Артефактор он, мы соседи с той стороны. – Он неловко мотнул корзинкой назад, чуть не рассыпав содержимое.

– Ты, милоч, с чужим имуществом-то поаккуратнее, – беззлобно посоветовала домовушка. – Артефактор-сосед и наш сломанный заборчик артефакторный со стороны вашего дома – странное, надо сказать, совпадение!

– Что?! – круто развернулась к ним посреди тропы Элька, до этого просто прислушивавшаяся к разговору. – Так твой отец со стороны вашего дома нам бракованные артефакты поставил? Ну, погодите! Папа вернется, я все ему расскажу!

– Эля! – одернула ее Лукерья. – Не стоит делать поспешных выводов и тем более кидаться такими обвинениями. Ты яблок хотела, вон они, сорви парочку. Молодой человек обещал все рассказать, и к тому же он сын артефактора, возможно, тоже что-то умеет, – намекнула она.

– Ну умею! – сердито подтвердил паренек. – Я на время отключаю один артефакт, а потом, когда сюда попадаю, снова включаю. Отец не знает! И он всегда все на совесть делает!

– Отлично, – кошкой мурлыкнула домовая, отчего Полю показалось, что он в ловушке, как глупый амбарный грызун – пудя.

Элька в это время уже сорвала два яблока и несла их под мышками. Аромат от плодов шел потрясающий, и вся троица сглатывала слюнки, поднимаясь на крылечко веранды.

«И чего Луша с ним разговаривает? – сердилась Элия про себя. Пожадничав, она сорвала два самых крупных плода, и тащить их было тяжело и неудобно, поэтому раздражение перекинулось на самый подходящий для этого объект – рыжего воришку. – Надо его отправить домой и нажаловаться! А то сегодня он артефакт ограды отключил из-за ягод, а потом в дом полезет за чем-нибудь».

Впрочем, Элька дурочкой не была и намек домовой мимо ушей не пропустила, холодильный ларь ведь они так и не открыли. К тому же где-то в глубине души она понимала, что сама не сахар. Если в городе узнают, что она без отца дома одна и слуг выгнала, то к ней охры придут и неизвестно, что будет.

«А вдруг заставят вернуть этих гадов? – Элю передернуло от этой мысли. – Может, и права домовая, что договориться хочет. Этот Поль столько раз за свои проделки избегал наказания, что, возможно, в обмен на молчание об ограде поможет чего-нибудь придумать!»

Она почти бегом пронеслась по коридору на кухню и с облегчением наконец-то избавилась от здоровенных яблок. Сидя на стуле, Элинора с усмешкой наблюдала, как взъерошенный Поль, озираясь по сторонам, заходит в помещение. Парень, сопровождаемый Лукерьей, никак не мог взять в толк, почему в доме так тихо и не видно обычно крайне любопытных слуганок. Впрочем, этому он был даже рад, еще не хватало, чтобы челядь потом обсуждала его меж собой на рынке, покупая продукты.

– А вот теперь, – домовая забрала у растерянного пареньки корзинки, – расскажи нам, Поль Муэрто Эдриан сэн Рэн, зачем ты в чужой сад без спроса забрался. Неужто у вас дома есть нечего? Или ягоды такие редкие, что даже ради них не страшно артефакты взламывать? – Лушка сурово хмурила брови, но Элька видела, что в зеленовато-желтых глазах домовой скачут смешинки.

Сам-то Поль этого не видел, потому что изучал доски паркета и старательно, торопясь, выдумывал историю, почему именно в саду сэн Хейль ему нужно было поесть медовики.

– Ты бы, парень, не пытался враки свои в головушке гладко складывать, чтобы нам поведать, – посоветовала ему Лукерья, лишь только он открыл рот. – Лучше скажи как есть, повиную голову меч не сечет.

Рыжий закрыл рот, шумно сглотнул, шмыгнул веснушчатым носом и неожиданно для самого себя заявил:

– Я тут от сестер прячусь и от родителей, совсем достали. – Не дожидаясь приглашения, он сел на краешек стула, сложил руки на коленях и, не поднимая глаз, принялся рассказывать.

– Папа, если на глаза без дела попадусь, заставляет камни под магические заряды полировать, а это скучно. Мама то на рынок пошлет, то с запиской к портнихе, то сестру младшую выгуливать заставляет. Полный дом слуг, а я занимаюсь всем этим. Кстати, а ваши-то все слуги где? – Он поднял глаза, но тут же опустил их под ласковое Лушкино «Ты рассказывай, рассказывай, касатик» и продолжил жаловаться: – Но маленькая сестренка еще ничего, хоть и скучно играть с девчонкой во всякие чаепития и гости, а вот Клодетта...

Брови рыжика сурово сошлись на переносице, и он и вправду стал напоминать домовушке сердитого ежа.

– Клодетта магический колледж в следующем году заканчивает, задавака. Все время хватается магией и лезет при всех с вопросами про школьные уроки. Дурачком меня выставить пытается, а себя мнит гордостью семьи! Зубрила!

Теперь даже Элька прониклась к парню сочувствием, но вот вопрос домовой застал врасплох их обоих:

– А чего ж ты просто в гости не зашел? Вы же вроде знакомы, учились вместе? Или у вас для визитов важный повод нужен и приглашение передавать через какого-нибудь слугу?

– По приглашениям – это если прием какой-нибудь праздничный. – Элька стащила из корзинки на столе несколько ягодок медовики и с интересом наблюдала за этим спектаклем.

– Но мы же не друзья, чтобы я так просто зашел, – буркнул в ее сторону Поль. – Ты теперь мне даже не одноклассница.

– Зато она тебе соседка! – Луша смотрела на двух ершистых подростков и поражалась: как две такие неприкаянные личности, живущие через забор, не могли подружиться? Но следующая фраза мальчишки расставила все по своим местам:

– И что, что соседка?! Мне девчонки и дома надоели, скучные задаваки. Какой интерес с ними дружить?

– Ну, сестры-то понятно, – кивнула домовушка, – но как ты через несколько лет себе невесту будешь искать, если с девочками общаться не научишься?

– Да я бы общался, – покраснел паренек, – с красивыми...

Шмяк! Розовый грибок из корзинки впечатался парню в затылок.

– Значит, я некрасивая! – злобной банши взывала обиженная Элька. – Конечно, я не пекаря дочка, пирожки тебе в школе не подсовывала, зато папа маг! Ничего ты не понимаешь в красоте, и сам ты страшный!

– Да я не то хотел сказать! – пламенея как маков цвет и счищая с волос крошево гриба, завопил в ответ Поль.

– Хватит! – Домовая хлопнула ладонью по столу. – Эля, не кидайся продуктами и не обижайся. Красота у всех разная, и неизвестно, кто и как будет выглядеть лет через пять. Можешь стать красоткой, а можешь и наоборот. Да и Поль может превратиться во вполне приятного молодого человека, а может и в напыщенного чванливого толстяка.

– Да вот еще! – забухтел недовольный рыжик.

– Речь, ребята, сейчас не о том! Поль решил спрятаться в нашем саду и без спросу поест чужих ягод, взломав при этом артефакт ограды! Правильно? – Парень при этих словах опять устался в пол.

– А нам с тобой, Элечка, нужна помощь артефактора. Правильно? – Лукерья с хитринкой глянула на паренька. – Раз тут такой талант, то, может, и с нашей бедой справиться поможет? Ну а мы, в свою очередь, в долгу не останемся.

– Отцу не скажете? – оживился паренек. – А что делать надо?

– Не скажем, – согласно кивнула домовая, – но только уговор такой будет: ты через ограду больше не лазай, просто в гости заходи.

Эля скорчила кислую мину и недоумевала про себя, зачем им в доме этот рыжий, но девчонка за этот день научилась замечать, что Лушка никогда и ничего не делает напрасно.

Зато молодой сэн Рэн сразу начал торговаться.

– А медовику собирать разрешите? У вас она все равно опадает, а у нас в саду одни цветы. За медовикой надо за город ехать, а туда не все ездучки возят. Не наездишься. А домой мама не покупает, у Клодетты от медовики на лице красные пятна вылезают.

– Ну, медовику мы сами соберем и тебя угостим, если помогать будешь. А для начала нам бы ларь холодильный открыть. Сможешь? – Домовушка кивнула на холодильник в углу и улыбнулась скептической мине на мордашке Эльки.

Видимо, девчонка не сильно верила в рыжего прохиндея-соседа.

Паренек важно кивнул и с видом знатока полез рассматривать холодильник, а Лушка, ткнув Эле корзинку с ягодами и несколько плошек для сортировки, стала разбирать грибочки и зелень.

– Если справится, угостим его нашим фирменным печеньем? – громким шепотом, чтобы мальчишка точно услышал, с видом заговорщика предложила она Эльке. – Такого ни в одной пекарне не сыщешь! Секретный рецепт.

– Пусть справится, а там посмотрим, – хихикнула в ответ девчонка. – Оно такое вкусное, что нам самим мало, пусть его пекаревы дочки кормят.

– Да мне отец даже с другого континента привозил всякие вкусности, – отмахнулся Поль, – вряд ли вы меня удивите. Ларь я ваш, скорее всего, открою, но мне мои инструменты нужны.

– А разве у тебя нет? – Элька опять закинула в рот пару ягод и довольно прижмурилась, ощущая нежный кисло-медовый вкус. – Артефакт-то ты на ограде выключал!

Лушка тоже из любопытства взяла на пробу зеленовато-золотистую ягодку, похожую на малину. Вкус был приятный, медовый с цитрусовой апельсиновой ноткой.

– Так я там просто взял ключ отцовский, универсальный. Он от цепи отдельный артефакт отключает, чтобы зарядить. Цепь при этом не нарушается. Так и заряжает по одному. А я просто отключил и перелез, – попытался вкратце объяснить принцип отключения парень.

– А тут как-то отключить нельзя? – Эля мало поняла, но считала, что Поль хочет сбежать, боясь не справиться.

– Конечно, нет! – возмутился тот, махая руками на глупую девчонку. – Это же весь прибор отключится, у него принцип зарядки другой, там сбоку кристаллы меняются просто. Если перемкну, он, конечно, откроется, но кристаллы сгорят. Нужны другие инструменты.

– Вот и ладненько, – добродушно улыбнулась ему домовая. – Пока ходишь, мы чаек организуем.

Начинающий взломщик холодильников убежал домой, а Элька, не выдержав, решила повозмущаться.

– Луш, ну зачем ты его в гости зовешь? Пусть поможет с ларем, и все. Еще и чаем поить надумала, когда еды мало.

Лукерья, начистив грибочки, залила их водой, раздумывая: «Ежели не откроет, то жареху с грибочками сделаю, а откроет – посмотрим, может, и еще куда пригодятся. Супец бы со щавелем и яичком сварить. М-м-м...»

А на сердитый выговор хозяйки дома ответила, как всегда, степенно и с рассуждениями:

– Ох, Элюшка, я смотрю на тебя и не пойму. Вроде не жадна, не глупа, а то, что друзья-приятели в любой беде первая опора, не понимаешь! Может, папа тебе в школу вернуться разрешит, что все одной дома-то сидеть? Тоскливо ведь. – Она покачала головой, не одобряя такое домоводство в юном возрасте. – Тем более парнишка на рынке бывал и у портных, небось, и про цены знает, и куда пойти, чтобы купить. Сын артефактора опять же! Полезное ведь знакомство, тем более живет по соседству.

– Посмотрим. – Элька дернула плечами. – Может, он еще и не вернется.

Тесто на полюбившиеся луковые крекеры они замесили быстро, да и привычными полочками Эля нарезала его влет. Звонок колокольчика раздался как раз тогда, когда из духовки доставали второй противень.

Важный и надутый как павлин Поль вошел в кухню с позвякивающей кожаной сумкой на боку и, рисуясь, достал из кармана круглые очки с розовыми стеклами.

– Еле нашел в мастерской запасной комплект отца! Сейчас посмотрим, как ваш замок снимать! – Он натянул окуляры на веснушчатый нос, но, посмотрев сквозь очки на домовушку, раскладывающую на тарелку остывшие печенки из первой партии, открыл рот от удивления.

– Простите, – каким-то придушенно-сиплым голосом спросил он, чуть отступив к двери, – а вы вообще кто такая будете?!

Глава 6. Хорошо забытое старое

Поль настороженно вглядывался сквозь розовые стекла очков в неведомое существо, до этого бывшее для него просто неизвестной маленькой женщиной. Учительницей мисс сэн Хейль это неизвестное живое нечто явно не являлось, хотя Кларисса не боялась и называла женщину Лушей.

На всякий случай парень отступил к дверям, в которых, как-то испуганно моргая, замерла Кларисса Хейль, и напряженным, хриплым голосом переспросил, не забыв внимательно оглядеть сквозь очки саму девчонку:

– Может, мне все-таки ответят? Я прекрасно вижу, что эта дама вовсе не человек!

– А какие-нибудь другие расы с остальных континентов на ум не приходят? – полюбопытствовала Лукерья, жалея, что до этого не расспросила Эльку подробнее.

– Вот! – Поль ткнул пальцем в ее направлении и сердито посмотрел на Элинору. – Кларисса, она даже не знает, что в нашем мире живут только люди! Откуда она взялась?

Но Элька, вместо того чтобы оправдываться и что-то объяснять, только отмахнулась и пошла к столу, по дороге небрежно заметив:

– Знаешь, лучше зови меня по домашнему имени, Элия или Эля. Раз уж все равно придется тебе все рассказывать. «Кларисса» звучит неприятно, так меня, вечно сюсюкая, называют дамочки, пытающиеся привлечь внимание отца! – Она села на стул, смешно, как парень, поджав под себя одну ногу и болтая в воздухе другой. – А что ты там увидел через свои очки? Дай посмотреть!

Почему-то совсем не девчачье поведение и любопытство, проявленное девчонкой к артефакту, немного успокоило парня, а разрешение называть ее домашним именем даже польстило. К тому же ему обещали все рассказать!

– А вы мне правда все расскажете? – поинтересовался он и, неловко сдернув с носа очки, протянул их Эльке. – Меня дома Эдом зовут, но мне не нравится. Клодетта вечно так манерно тянет: «Эдри-и-и». Фу-у-у. – Он поморщился. – Лучше Поль.

– Хорошо, – улыбаясь, кивнула Лукерья, наблюдая, как Эля пристраивает на нос артефакт и ее глаза восхищенно округляются. – Поль так Поль, главное, чтобы человек был хороший.

– Ух ты! – раздался восторженный писк девчонки. – Луш, ты как золотистое облачко с хвостом! И еще у тебя на голове ушки, как у зверька. – Она перевела взгляд на парня и разочарованно заявила: – А Поль совсем не такой! Просто человеческая фигура, и аура светится разными цветами, мне на уроке про такое учитель рассказывал. Это проявление магической энергии в человеке со способностями.

– Конечно, не такой, – Поль забрал артефактные очки, – я же человек, как и ты. Вы мне обещали, что все расскажете. Так кто она такая? – Парень кивнул на домовую.

Лукерья лукаво прищурилась и, ласково взглянув на него, представилась:

– Так ты, наверное, уже слышал, Лукерья я. Луша, если коротко. Домовая потомственная.

– Домовая? Это же получается... это как же?... – Парень от волнения начал запинаться.

– Домовой дух, – подсказала Элька, сунув ему в руку хрустящую полосочку крекера. – Я тоже не знала, что домовые духи такие. Могут быть как люди, а могут и не так.

Девочка подвинула Полю тарелочку с печеньем, а Лукерья взмахом руки налила всем чаю и аккуратно перенесла на обеденный стол полные чашки. Конечно, проще было встать и налить, а не использовать магию, но она опасалась напугать лишним движением все еще настороженного паренька, опять нацепившего на нос очки. К тому же магии вокруг было много, и не надо было экономить силы, как на Земле.

Поль машинально сунул в рот предложенное угощение, захрустел и вдруг вытаращился на них так, что Лушка забеспокоилась.

– Что, неужто невкусно? А может, ты лук не любишь совсем? Или сыпь у тебя на него какая образуется?

– Может, подавился? Чаем запей, что ли, – поддакнула Эля. – А не нравится – так и скажи!

Она потянула к себе тарелочку.

– Нравится! – завопил Поль, успев прожевать, и, отобрав посудину с крекерами, прижал ее к груди, разглядывая их через очки. – Ни грамма магии – и так вкусно? – удивился он.

– Вот, – Элька, гордая тем, что все же сумела поразить парня, избалованного пирожками пекаревой дочки, даже готова была еще начистить лука, – а мы тебе говорили! Это Лушин рецепт, из другого мира.

Поль, набивший полный рот хрустящей вкуснятины, снова сусликом замер на стуле и, о чем-то задумавшись, даже забыл жевать. Так и сидел как хомяк с набитыми щеками, хмурясь и сопя.

– Поль, По-о-оль! – подергала его за рукав куртки Элька. – Ты нам холодильный ларь-то откроешь? А то поел, тайну нашу узнал, а сам ничего не сделал.

Парень отмер, кивнул и, прожевав, быстренько проглотил, запив чаем.

– Сейчас попробую, а потом такое вам расскажу! Такое! Это же надо! Домовой дух из другого мира! Так вот куда, оказывается... это же получается... – бормотал, он доставая инструменты из сумки и устраиваясь на полу рядом с ларем.

– Чего «оказывается»? – мучаясь любопытством, крутилась вокруг него Элька. – Что расскажешь?

– Да погоди ты, – отмахнулся Поль, занявшись делом. – Тебе важнее поболтать или ларь ваш открыть?

Элька надулась, а домовушка поманила ее к себе.

– Пусть трудится работничек, не надо мешать. Давай-ка пока ужином займемся, неизвестно, что там в этом ларе есть, а уже вечереет.

Пока дамы готовили незамысловатую жареху и обсуждали сушку яблок, Лукерья то и дело поглядывала на Поля. Парень уверенно что-то делал с запором, его руки и инструменты то и дело вспыхивали цветными искорками, а нитей магии на замке становилось все меньше.

– Хороший парень, – пробормотала домовая как бы себе под нос, – рукастый. Может, и подсобит нам печурку какую сложить. Я бы подсказала как и помогла бы.

– Да обычный он, просто любит во всяких магических штуках ковыряться, – недовольно буркнула Элька, которой было скучно чистить картошку и резать грибы. – А без печи нельзя никак высушить яблоки?

– Отчего ж нельзя. Можно, – улыбнулась домовая, разглядывая получившееся блюдо. Обычную картошку с грибами это розово-голубое нечто напоминало мало, но пахло как положено, а значит, на вкус должно было быть хорошо. – Только если без печи сушить, на солнышке, то надо недели две. Да и следить придется все время, чтобы мухи не засидели, переворачивать да на ночь в холодильник со сквознячком убирать.

Внезапно от холодильного ларя по глазам резанула яркая вспышка, и радостный голос паренька самодовольно заявил:

– Ну вот. Открыл. Правда, запереть его теперь не удастся, – он развел руками, убирая в сумку инструменты, – все-таки чужую работу проще сломать, чем открыть, но вам же без разницы?

Кинувшаяся к ларю Элька распахнула крышку и разочарованно скуксилась.

– Тут почти ничего нет! Эта кухарка-воровка почти все вынесла! Что нам теперь делать?

– Так охров звать. Давай я сбегаяю, – подскочил Поль. – Вот почему у вас дома слуг нет. Вы их на воровстве поймали!

– Нам охров нельзя, – покачала головой домовая, – доказательств-то нет. И у Эли магия раньше времени пробудилась. Как бы беды не вышло. Она же одна в доме.

– Так ведь вы... э-э-э... – сначала удивленно начал парень, но потом согласно кивнул. – Эта Элина магия еще полбеды. А вот домовый дух! Я ведь тогда давно разговор наших отцов подслушал, а потом специально книги старые искал в библиотеках. Раньше в нашем мире жили другие разумные. Духи-хранители, вот! И твой отец с матерью искали, куда ушли эти духи, те, что смогли выжить.

– Не может быть! Папа – поставщик артефактных магических вместилищ для совета, а мама была природным заправщиком. – Элька недоверчиво и хмуро смотрела на рыжего соседа, рассказывающего странные вещи.

– А что случилось тогда, давно, когда ушли духи? – тихо спросила домовая. – Почему им пришлось выживать?

– Там какой-то древний орден мечтал создать вечный источник магии, чтобы всеми править, – как мог начал объяснять Поль, вспоминая все, что читал, – и они решили, что лучше всего подойдут для этого духи-хранители, поскольку их можно помещать в предметы, а уже те добавлять в источник, сплавляя воедино.

Лукерья вздрогнула и поняла, что башмак, в который ее призвали, нужно прятать понадежнее, чем просто за занавеской. А начитанный толстячок-сосед между тем продолжал:

– Сначала они ловили домовых духов по отдаленным селам, а о лесных в лесах никто не беспокоился, но потом стали пропадать духи-хранители в городах, а леса начали сохнуть, дома быстро ветшать и плохо пропускать магию мира. В то время еще существовали разные государства со своими правителями, и каждый считал, что неплохо ослабить соседа, забрав у него духов-хранителей, потому этот орден Источника силы сперва даже поощряли. А потом духи исчезли везде, и властители накинулись друг на друга с обвинениями, начались войны, а орден стал приносить своему источнику-артефакту в жертву одаренных магически людей с еще не пробудившейся силой.

Дамы сидели тихо, как мышки, слушая повествование об ужасах, творившихся в давние времена.

– Потом был переворот и восстание. Властителей свергли, орденцев смогли перебить, но там я не совсем понял... – Рассказчик недоуменно почесал рыжую макушку. – У этих чокнутых любителей силы пропал их источник. Просто взял и пропал, поэтому их и победили. – Поль снял с носа свои розовые очки и задумчиво крутил их в руках. – Говорят, на том месте, где был источник, нашли плиту с пророчеством про ушедших духов, что их можно вернуть, но плиту сразу увез созданный совет, и все засекретили.

– А при чем тут мои родители? – В наступившей тишине тонкий дрожащий голос Эльки прозвучал неожиданно.

– Твои родители работали на совет и искали, как вернуть духов-хранителей. Твой отец искал пропавший источник, а мать под видом природного заправщика пыталась найти путь, уведший духов из нашего мира.

– А потом она пропала! Как духи! – Девчонка сжалась в комок и заревела. Лукерья мигом обернулась кошкой и, вспрыгнув ей на колени, заурчала, подсовывая голову под руку. Ведь все знают, что кошки – лучшее успокоительное.

Поль, не ожидавший такой метаморфозы, растерялся, да и плачущая Элия вызывала одно желание: убежать подальше. Уж очень было неприятно чувствовать свое бессилие и невозможность помочь.

Хорошо, что кошкотерапия делала свое дело. Пока парень мялся и нервничал, всхлипы становились тише. Наконец Луша, прыгнув с Элькиных коленей, снова стала собой и строго велела:

– Ты, Элюшка, слезы не лей, ими не поможешь. Пойди умойся, надо ужинать. Раз мама твоя пропала, духов-хранителей разыскивая, значит, найдется. Может, сами духи ее и вернут. Вот спать пойдешь, я тебе подскажу, как посмотреть, может, и получится. Чую, без батюшки твоего все равно не разберемся. Дождаться его надо. А тебе, – она повернулась к Полю, – благодарность большая за помощь и рассказ. Может, и я тебе что хорошее скажу да посоветую. Может, какую диковинку по моим рассказам полезную себе приспособишь. Да и дальше, я надеюсь, ты помочь нам не откажешься?

Элька, печально кивнув, поплелась умываться, а Поль, устроившись за столом, наблюдал, как домовая, морщась и хмурясь, разглядывает содержимое открытого им холодильного ларя.

– Да уж. Молока на дне банки, пара яиц да полгоршка сметаны, – фыркала она. – Хорошо хоть, мяса запас есть, на суп пойдет. Прикупить бы, да как? Денег-то нет, да и кто за покупками пойдет...

– У меня есть немного монет, но их на все не хватит. – Умытая Эля зашла в кухню, уверенная, что домовая поможет разузнать хотя бы, жива ли ее мать.

– У меня есть план, где достать деньги! – вдруг встрепенулся Поль. – Только мне надо ваших печенек луковых хоть половинку того мешочка. – Парень ткнул пальцем в куль с остатками муки.

– Так мука вся почти вышла, и постного масла тоже мало. – Лушка оглядела запасы. – Только если купить?

– Да я даже сам куплю, – азартно ерзая на стуле от пришедшей в голову идеи, заявил парень. – Дело верное, а доход пополам!

– Ну если пополам, – улыбнулась домовая, – тогда с нас работа, с тебя продукты.

Голубая картошечка с розовыми грибочками и пятнистым луком на вкус ничем не отличалась от земной. За ужином Поль с Лушей обсуждали печку и еще земной транспорт для мальчишек вроде велосипедов, скейтов и самокатов. Даже что-то рисовали на листах, оказавшихся у парня в сумке. Эля рассеянно наблюдала за ними и ждала, пока рыжий сосед наконец уйдет. Когда она ходила умываться, то зашла в спальню родителей и взяла с комода маленькую картину, где они были изображены всей семьей.

«Мне там было лет пять, но ведь домовой, наверное, без разницы», – размышляла она, ощущая твердую поверхность рамки через карман холщового фартука, куда ее положила.

Наконец Поль засобиравшись домой и, пообещав с утра вернуться с мукой, ушел. Эля молча положила на стол семейный портрет и сидела тихонько, пока домовая мыла посуду.

– Божечки-пирожочки! – всплеснула руками та, оглянувшись и обнаружив эту картину. – Деточка, да на тебе лица нет! Что ж ты не сказала-то ничего!

Луша внимательно вглядывалась в счастливые лица на изображении: темноволосый мужчина с бородкой, русоволосая женщина с яркими зелеными глазами и очень похожая на мать маленькая девочка.

– Все трое тут живы, – шепнула она Эльке. – Одинаково мерцают, нет вокруг серой хмари мертвой сути.

– А что за сон еще ты мне обещала? – Обнадеженная Элия доверчиво смотрела на домовушку.

– Ты, Элюшка, возьми какую-нибудь маленькую вещичку, что от мамы твоей тебе осталась, и спрячь под подушку. Я над тобой сейчас пошепчу, а поутру скажешь, что ты видела. – Лушка ласково погладила девочку по голове. – Утро вечера мудренее.

Она смотрела, как девчонка бегом кинулась в спальню, и вздохнула.

«И что мне теперь делать? Быть нянькой при подростке, садовником при саде, кухаркой и всеми горничными разом? А еще страшновато после всех этих историй про орден Источника, вдруг не всех мерзавцев перебили?!»

Лукерья забрала ботинок с подоконника и отправилась в библиотеку, справедливо рассудив, что книга – лучший источник знаний, чем сумбурный рассказ рыжего любителя халявной медовики.

Дом, словно чувствуя решительный настрой единственного в этом мире домового духа-хранителя, без скрипа открыл ей нужные двери.

А наверху в своей спальне беспокойным сном спала Элька, сжимая в руке под подушкой серебряную брошку-бантик.

Глава 7. Избежать неприятностей

Какой-то новой информации про духов-хранителей Лушка в библиотеке не отыскала. Пролистала географические карты, морща лоб, пробежала глазами описание органов власти и с любопытством открыла толстый красочный том под заинтриговавшим ее названием «В помощь начинающей хозяйке дома».

Картинки там были весьма занятные, а уж над описаниями надлежащих приемов и подготовки к мероприятиям домовушка только посмеялась.

«Видать, старинная книга, не может быть, чтобы сейчас о визите предупреждали письменным посланием, переданным со слугой, аж за месяц! А хозяева еще должны внести этот визит в какую-то реестровую книгу, указав цель посещения? Ужас какой! Так и по гостям ходить не захочешь».

Она пролистала с десятков страниц и заинтересовалась ярким рисунком торта над рецептом. Продукты перечислялись знакомые, но потом тишину библиотеки взорвал хохот покрасневшей до слез домовой.

– «Если нет возможности воспользоваться магией, позовите шесть кухонных девок...» Ха-ха-ха! Отличное начало рецепта! Тортик – проще не придумаешь. Особенно если девки здоровые, то всю кухонную технику заменят... Глаша будет миксером, Фрося тестомесом, а Розочка – вместо кисточки для смазывания противня... Ха-ха-ха! И обязательно поваренок Михей для разбивания яиц и отделения белков от желтков!

Веселье домовушки было прервано осторожным касанием ее сознания магическим домом. Перед обеспокоенной Лушкой мелькнула картинка тревожно ворочающейся на постели Эльки. Пихнув нелепую книгу для барышень на стоящий рядом с креслом журнальный стол, домовая со всех ног кинулась наверх в комнату девочки.

Спальня Эльки тонула в полумраке ночи, кровать, освещаемая луной этого мира, заглядывающей в окно через незакрытые занавески, была вся расхристана мечущейся в испарине девчонкой. Домовушка моментально оказалась рядом, приложила ладошки к зареванным щекам Элины и тихонечко подула в лицо.

– Тише, тише. Хватит, – шепнула она, осторожно обтерев платочком лицо девочки, – спи без снов, отдохни, дрема-сон тебя возьми. Спи спокойно до утра, оставь все беды во вчера.

Немного подумав, Лукерья покопалась в кармашке неизменного фартука и облегченно выдохнула, найдя солонку. Отвинтив крышку со стеклянной граненой баночки, она удовлетворенно оглядела содержимое, крупную сероватую соль, и, наклонившись, сунула емкость под край кровати.

«Пусть соберет всю негативную дрянь. Что же ей такое приснилось, что так магической плесени во все стороны наплескало?» – всматриваясь в личико успокоившейся Эльки, раздумывала она, машинально перебирая расплетенные русые волосы девочки.

Волосы и домовые – это отдельная тема. Лукерья сама не заметила, как впала в особый транс и пальцы привычно начали плести косички. Косички от домовых – это крайне необычная разновидность, говорят, что домовые волосы «путают». Неправда! Просто косички домовых не так легко расплести и невозможно расчесать. Три волосинки плетутся косой, потом вместе сплетаются три такие косички, и так по нарастающей, пока маленькая домашняя нечисть не остановится.

Когда домовая очнулась, Элька напоминала своей прической узбекскую девочку.

«Вот ведь напасть! – в сердцах сплюнула Лушка. – Угораздило задуматься не ко времени. Ну да ладно. Сама наплела, сама и разберу. А может, тут и магией помочь получится. Хотя... – она махнула рукой и неслышно направилась к двери, – может, ей еще и понравится, все ж не парень, девочки косички любят. Утром разберемся».

Но утро началось с громкого верещания непонятной сигналки. Хриплый писк над ухом прикорнувшей в обнимку с ботинком на библиотечном диванчике домовушки заставил ее подскочить. Домик послал образ входной двери и за ней силуэты крупных человеческих фигур.

– Ох, лышеньки, кого еще нежданно-негаданно спозаранку принесло? – Домовушка спешно магически освежила домотканую юбку и сменила цвет фартука с оборками на бело-снежный. Встрепанную копну темных волос удалось лишь слегка пригладить на ходу.

Ответственная домовая не могла позволить Эльке открыть дверь неизвестным взрослым людям без своего присмотра и защиты. Домик словно в ответ на ее мысли чуть дрогнул полом под ногами, намекая на свою помощь.

Успела домовая вовремя. Девочка в розовой пижаме, даже не задумавшись спросонья, уже взялась за ручку двери! Раньше-то служанки открывали.

– Элечка, ты бы оделась, – отдернула ее от двери домовая. – Беги давай и возвращайся быстрее. Я пока открою. – Лушка поморщилась от противного звука в ушах. – Только не задерживайся, а то я многого не знаю.

Не подумала домовушка, что, побежав одеваться, девчонка потом непременно посмотрится в зеркало и увидит свою новую прическу, которую со сна пока еще не заметила.

Гордо вскинув голову, Лукерья распахнула входную дверь и, требовательно уставившись снизу вверх на двух одетых в песочно-желтые костюмы мужчин, строго поинтересовалась:

– Чем могу быть полезна, господа?

Два здоровяка удивленно склонили головы, рассматривая миниатюрную женщину.

– Э-э-э... – протянул один из них, блондин с пышными усами пшеничного цвета, раздумывая, насколько будет неловко, если он для разговора присядет на корточки. Невысокая Лушка была ему ниже пояса.

– Стац церб охры города Штоленг Рик Войценех. А это мой помощник изен церб Людвиг Гасешка, – поклонившись, представился второй, хмурый шатен, видимо, старший по званию. –

К нам обратились с сигналом, и мы обязаны его проверить. Вы тут живете? Представьтесь, пожалуйста. И не могли бы мы войти в дом, чтобы удобнее было вести беседу?

– В доме еще должна быть девочка, подросток четырнадцати лет Кларисса Бетиния Элинора сэн Хейль, – с облегчением подхватил его напарник. – Нам хотелось бы ее увидеть.

Ответить Лукерья не успела, поскольку за спинами стражников послышалась какая-то возня, пыхтение, и голос Поля вежливо попросил:

– Господа офицеры, вы не могли бы немного подвинуться? Мешок ужасно тяжелый и неудобный, а еще эта дурацкая корзина.

Рыжий толстячок бочком протиснулся мимо мужчин в дверь и, тяжело отдуваясь, сгрузил с плеча мешок с мукой. Поставив рядом корзинку с темной бутылкой и какими-то коробочками, он развернулся ко все еще ожидающим от Лушки ответа охрам.

– Позвольте представиться: Поль Муэрто Эдриан сэн Рэн, сосед, – важно заявил он местным стражам порядка, отряхивая запорошенное мукой плечо. – Мадам Лукерья, что здесь происходит?

– Мы как раз говорили мадам... – начал старший.

– Мадам Лукерья Бетиния – наставница дочери семьи сэн Хейль, продолжайте, офицер, – вальяжно кивнул Поль, представив Лушку.

Домовая только диву давалась перемене в поведении паренька, ведь сама недавно поймала его как воришку, перемазанного медовичным соком, и важности в нем не было ни на грамм. Да еще мешок этот с мукой...

«Килограммов двадцать, – навскидку определила Лушка про себя, – да и корзина не пушинка, одно масло в бутылки килограмма полтора будет».

– Да, да, – подхватил охр, – мы как раз говорили мадам наставнице, что поступил сигнал о том, что у мисс сэн Хейль внезапно раньше времени проснулась магия и девочка, будучи не в себе, накинулась на прислугу. Слуги боятся возвращаться в дом.

«Вот гадины! – Лукерья аж лицом потемнела от гнева. – Мало того что воровки и сплетницы, так еще и пытаются мстить ребенку, пользуясь отсутствием отца!»

– Я очень не советовала бы им возвращаться в этот дом! – невольно огрызнулась она. – Думаю, по приезде мистера сэн Хейля к вам поступит заявление о регулярных кражах. Полагаю, хозяин дома разберется, насколько крупно проворовались эти дамочки, а я от себя добавлю, что они довели бедную девочку до такого состояния!

– Но простите, а где были вы? – Помощник мямл в руках снятую при представлении форменную фуражку, вероятно испытывая неловкость от всей этой ситуации.

– Луша, это так необычно! А их можно чем-то украсить? – слышался голос Эльки из глубины дома. – О, Поль, и ты тут. Ого, какой мешок! И корзинка еще? – Подойдя, она оглядела парня и, заметив мучной след на ткани куртки, восхищенно поразились: – Ты все сам донес?

Поль покраснел и кивнул, а девочка, мотнув кучей косичек, оглядела охров и предложила:

– Может, лучше все пройдем в дом? А то скоро зеваки на улице соберутся, интересуясь, что это у нас охры на крыльце.

Лукерья посторонилась, и стражи порядка вошли в дом, с интересом осматриваясь и разглядывая вежливо улыбающуюся девочку с необычной прической.

– Мадам Лукерья, – рыжик от искреннего восхищения Эльки почувствовал себя героем, – это все на кухню?

– Да, Поль, будь так любезен, – кивнула домовушка и, поняв, что охры, скорее всего, не следователи и магических артефактов типа очков паренька у них нет, немного расслабилась. – Надо разобраться с завтраком, мы только-только встали.

– Ой, а мы что-то новенькое будем готовить? – Счастливую от косичек и беззаботную, как птичка, Эльку совершенно не беспокоили стражи порядка. Она почему-то решила, что домовая сама с ними разберется. Помагичит как-нибудь, тем более еще Поль пришел. А он может и отца позвать! Охры даже не маги.

Лукерья чуть нахмурилась, задумалась, покосившись на мужчин в форме, и, осторожно подбирая слова, предложила:

– Господа, не знаю, насколько это уместно, но мне надо готовить завтрак для воспитанницы, раз уж мы избавились от неподходящей прислуги. Поскольку приготовление пищи является одной из преподаваемых мисс сэн Хейль дисциплин, то не возражаете, если мы побеседуем на кухне?

Охры, видимо, были люди простые и спорить не стали, усатый даже вызвался дотащить мешок с мукой, на что Поль милостиво дал свое согласие, в глубине души радуясь помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.